

Пролог

Детский крик, разрезавший на кусочки тишину квартиры, заставил супругов одновременно открыть глаза и соскочить с кровати. В полусонном состоянии мужчина нащупал фонарь в тумбочке и быстрым шагом направился в детскую комнату, взяв идущую следом за ним жену за руку.

Тонкий луч света позволил им разглядеть испуганную дочь — Аврору. Маленькая девочка прижалась к стене, зажмурила глаза и обмотала хрупкое тело большим одеялом. Ей казалось, что так она сможет защититься от ночного кошмара. Женщина немедленно подбежала к дочери, крепко обняла ее, начиная тихонько покачивать в своих объятиях и тихо напевать нежным голосом колыбельную. Девочка уткнулась в мамино плечо, а руками схватилась за ее ночную сорочку.

— Мамочка, я что-то слышала, — всхлипы перебивали тихую речь Авроры. Направив фонарь в сторону окна, отец девочки заметил тень. Она ускользнула быстро, оставляя после себя только страх и мурашки, бегающие по коже.

Родители прекрасно понимали, кем было черное пятно, так сильно напугавшее девочку. Эти существа вызывали панику и ледящий кровь ужас у любого, кто лишь секунду слышал их мерзкий шепот или смотрел в наполненные мраком и страданиями глаза.

Так им всегда говорили. С этой мыслью они росли, эту ненависть к тем, кого на самом деле никогда не встречали, они выращивали годами. Да и разве могли они хоть раз их увидеть?

— Бен, закрой, пожалуйста, шторы, — обратилась женщина к своему мужу. Тот с осторожностью подошел к окну и быстро дернул край плотной ткани.

— Почему они не были закрыты, Роза?

— Забыла, — она опустила взгляд и сильнее прижала к себе дочь, чувствуя вину за случившееся.

— Мы живем на первом этаже, ты же знаешь, как это опасно. — Бен включил ночник, и вся комната наполнилась теплым светом. Он был зол, но не на свою жену. На самом деле его раздражала необходимость каждую ночь переживать за безопасность дорогих ему людей. — Этому подобию человека только в радость издеваться над нами.

В это время девочка отошла от мамы и оглядела свою комнату. Свет окончательно успокоил ее, черные картинки в голове немного потускнели.

— Кто был там, в окне? Я слышала шепот у себя в голове, — девочка тараторила от волнения.

Муж и жена удивленно переглянулись. Они ничего не знали о шепоте, но про загадочную тень действительно было что сказать. Кивком Роза попросила мужа оставить ее с дочерью наедине, чтобы внимание ребенка было сосредоточено только на заготовленном заранее рассказе. Она прекрасно понимала, что рано или поздно Аврора бы спросила об этом и разговора уже не получилось бы избежать, только вот планировалось отложить его до поступления в школу. Там одним из первых предметов для изучения была история.

— Понимаешь, Аврора, — начала женщина, — человек, который тебя напугал, очень сильно отличается от нас. И он не один такой. Ночью, пока мы спокойно спим, чтобы полными сил встретить новый день, на

улицу выходят темные и иногда добираются до нашей стороны и наших домов. Они нарушают правила, живут в хаосе и раздоре. Ужасные и отвратительные.

— Но ты говорила, что таких людей нет, — перебила девочка.

— Среди нас нет. Они из другого мира, наша полная противоположность.

— А почему ему ночью можно на улицу? Он видит в темноте? — В глазах ребенка появилось любопытство. Она хотела узнать абсолютно все об этих странных и загадочных темных.

— Да, они прекрасно видят в темноте, поэтому ночная жизнь им по душе.

— Как они появились? — не унималась девочка.

— Раньше мы все жили вместе и старались придерживаться одних правил. Внешне можно было легко отличить светлого от темного: их волосы, глаза и даже одежда были отражением души. Мы, светлые, всегда их боялись. Темные делали плохие вещи, обижали всех вокруг, хотя мы пытались с ними дружить. Из-за этого произошел переворот.

— Переворот?

— То есть изменение. Для них ввели специальные правила: выходить на улицу они могли только ночью, а к светлым им запретили прикасаться. Так мы жили несколько лет, пока, наконец, темные не решили отделиться от нас.

— У них есть свое царство?

— Да, и оно находится за огромными зарослями кустов.

— А почему они видят в темноте, а мы нет?

— Произошло такое волшебство. Из-за того, что мы живем только днем, а они ночью, наши глаза стали работать по-разному. Они боятся света, а мы темноты.

— Но получается, что мы все равно в опасности, — сделала вывод Аврора, не подавая признаков страха.

Она лишь хмуро смотрела на маму и не понимала, что за сказки ей рассказывали. — Это слишком запутанная история, мама.

— Ты еще маленькая, чтобы это понять. Позже все встанет на свои места. Вам подробно расскажут обо всем.

— Но я слышала его. Этот шепот, — Аврора указала на спрятанное за шторами окно. — Он был здесь! Я хочу знать сейчас обо всем!

— Мы не знаем обо всех их способностях. Возможно, шепот и был..

— Ты мне не веришь?

— Верю, конечно! Но я считаю, что тебе рано думать об этом. Попробай еще раз уснуть.

Девочка задумчиво посмотрела в сторону и, недовольная тем, что узнала слишком мало, легла обратно в кровать. Идеи, домыслы и теории теперь без остановки кружились в ее голове. Если бы она была менее любопытной и чуть более пугливой, вряд ли осмелилась бы задавать вопросы и задумываться о том, что докопается до правды, до каждой детали, когда вырастет. Но сейчас нужно было поверить в то, что в мире темных нет ничего интересного. Поверить хотя бы на время.

— Почему они такие? Почему мы должны их бояться? Мы же все равны? — девочка с тревогой смотрела на маму, ожидая ответов. — Нам ведь в садике всегда говорят об этом, каждый день. Таким серьезным голосом.

— Они — не мы. Ты еще не понимаешь, как они ужасны. И будет лучше, если тебе никогда не придется столкнуться с ними лицом к лицу. — Женщина наклонилась к дочери и заглянула в светло-серые глаза — точные копии своих. — Они опасны. Мы живем правильную, хорошую жизнь, а они зло, которое хочет разрушить нашу идиллию. Ни при каких обстоятельствах не связывайся с этими чудовищами.



Пышное белоснежное платье, украшенное маленькими, сверкающими на солнце жемчужинами, сидело просто идеально, подчеркивало изгиб талии, превращая меня в настоящую принцессу. Я несмело перебирала симпатичные кружева на кромке юбки, гладила атласный поясик. На ногах красовались туфли на высоком каблуке в цвет платья. Светлые волосы аккуратной волной уложены на моем плече, губы переливались персиковым оттенком, а подкрученные ресницы делали взгляд светло-серых глаз еще выразительнее.

Сделав глубокий вдох, после которого сразу же последовал медленный выдох, я посмотрела на свое отражение. Внешне я полностью соответствовала одному из важнейших событий в жизни — торжественной церемонии выбора будущего мужа. Пару дней назад мне исполнилось двадцать лет, я достигла совершеннолетия и была готова создать собственную семью.

— Доченька, ты оделась? — Дверь моей комнаты приоткрылась, и в небольшой проем вошла мама. На ней тоже было белое платье, только совсем простое. а на шее сверкала красивая маленькая подвеска, которую ей подарил папа, когда у меня родился брат. — Какая же ты у меня красивая, — мама восторженно прикрыла рот слегка морщинистыми руками.

На ее безымянном пальце сверкнуло кольцо из белого золота, и в моей груди вновь вспыхнуло волне-

ние. Из-за него у меня взмокли ладони, и я побоялась лишний раз трогать пышную юбку.

— Я точно хорошо выгляжу? — я в очередной раз неуверенно посмотрела в зеркало.

— Идеально! — Мама подошла ко мне и покрутила за талию, чтобы посмотреть на платье со всех сторон. — Бен, взгляни на свою дочь! — она окликнула папу, продолжая аккуратно трогать каждый миллиметр платья, стараясь не оторвать пришитые вручную бусинки.

— У меня самая красивая дочь, — сказал с порога только что вошедший папа. Он оглядел меня с ног до головы и гордо улыбнулся.

От смущения я опустила взгляд и себе под нос поблагодарила его за комплимент. Больше не было желания разглядывать свое отражение в зеркале, пытаться найти едва заметный изъян. Ожидание утомляло и заставляло сомневаться в себе с каждой секундой все сильнее. Я подошла к столику с косметикой, чтобы воспользоваться духами, но не успела даже взять флакон в руки, как в комнату влетел неугомонный брат, который, так же как папа, был одет в белый смокинг.

— Смотри каблуки не сломай, красотка! — съязвил он и показал мне язык.

Я почти что скорчила гримасу в ответ, по привычке, но неожиданно замерла, почувствовав, как голова начинает кружиться, а ступни болеть.

— Ма-а-ам, мне нужны балетки! — в панике вскрикнула я. Братец прав: в самый ответственный момент я могла что-нибудь испортить, а оказаться на полу перед толпой молодых парней мне совершенно не хотелось.

— Никаких балеток. Сегодня важный день, ты должна выглядеть неотразимо, — строго сказала мама, выхватывая флакончик и разбрызгивая на меня духи.

— Но я чувствую себя некомфортно, — я начала канючить, как ребенок. — Будто эта одежда задумала что-то против меня.

— Прекрати, нет времени на твою неуверенность. Нам пора идти на церемонию. Лучше улыбнись.

— Это так обязательно?

— Хочешь нарушить закон? — Мама вручила мне небольшую сумочку и указала на дверь.

В историях о прошлом, когда светлые еще жили бок о бок с темными, часто встречались примеры несчастных людей, которые не могли найти истинную любовь, зацикливаясь на поверхностном влечении. Для нашего же блага правительство решило предоставить этот трудный выбор судьбе и создало церемонию выбора партнера, чтобы мы никогда не были одиноки

Я все-таки еще раз посмотрела в зеркало. В голове прозвучали слова, которые мне говорили с детства, что внешность — это всего лишь обложка. Мы можем наслаждаться красотой, но отдавать за нее сердце — глупо. Главное — душа, которая у каждого по-своему прекрасна. Все без исключения способны совершать только добрые поступки, поэтому я уверена, что мой муж будет хорошим человеком.



Мы подошли к огромному зданию, внутри которого раз в неделю проводились церемонии выбора мужа для девушек, достигших совершеннолетия. Родители привели своих сыновей в возрасте от двадцати лет, пополнить ряды кандидатов могли только молодые люди, прошедшие специальную регистрацию в день своего совершеннолетия. Как правило, старше двадцати двух лет почти никого не было. Удача это или нет, но молодые люди успевали обрести свое счастье в браке к этому возрасту.

В толпе белых платьев сложно было кого-либо рассмотреть, узнать знакомые лица. Да и от всей этой суматохи у меня кружилась голова.

— Привет, подруга! — я услышала радостный вопль за спиной и, развернувшись, увидела как обычно веселую Джой. Светлые волосы она собрала в аккуратный пучок на голове. Легкая блузка, сквозь которую немного виднелась майка на тоненьких лямках, была заправлена в юбку-карандаш. Все было нашего традиционного и обязательного на каждом празднике цвета — белого.

— Привет.

— Ты потрясающе выглядишь, — она подняла большой палец в знак одобрения.

За ее спиной к нам приближался высокий статный парень, пристально осматривающий толпу. Его сдержанность и невозмутимость сильно отличались от волнения и тревоги моей подруги.

— Аврора, знакомься, это мой будущий муж — Гейл, — ее щеки мгновенно порозовели, когда молодой человек подошел достаточно близко к нам.

— Ты могла не использовать румяна сегодня, — сдерживая улыбку, прошептала я, а глаза Джой расширились, она в ужасе закрыла лицо ладонями и шикнула на меня. — Гейл, рада с тобой познакомиться!

Я не видела его раньше, так как несовершеннолетним запрещалось присутствовать на церемонии, но слышала о нем достаточно. Гейл показался Джой слишком взрослым для своих двадцати двух лет. Он постоянно был чем-то занят, не мог похвастаться большим количеством друзей, не любил веселиться и сблизиться с кем-то. Казалось, что настолько неподходящий гиперактивной девушке человек никак не мог стать ее мужем. Но судьба считала иначе. И после своего выбора Джой каждый день хныкала мне в телефонную трубку о том,

что ей тяжело найти подход к кому-то настолько серьезному.

Но эта внешняя строгость оказалась вполне пробиваемой. Гейлу пришлось по душе моя маленькая шутка в сторону невесты. Он искренне улыбнулся и протянул мне руку:

— Я тоже рад.

Он не стал обходить суженую и касался грудью ее плеча, пока мы с ним пожимали друг другу руки и обменивались любезностями. Подруге стало совсем дурно. Ее ноготки впились в ладонь, а уголок губ нервно дергался. От неловкости Джой готова была рухнуть в обморок.

— Тебе Амелия не звонила? — спросила подруга, как бы отвлекая саму себя от смущающей близости. Голос был почти спокойным, но вот в глазах читалось только одно слово — «помоги».

— Нет, а что?

— Просто сегодня твой день, а она..

— Вероятно, она занята. Еще только утро, Джой.

— Я думаю, нам стоит ей позвонить. Ведь ей нельзя прийти, но мы могли бы поболтать. Знаешь, как мы любим...

Убегать от собственного жениха под таким глупым предлогом, как звонок подруге, было очень по-детски, но мне все же пришлось ей подыграть.

— Да, думаю, ты права, — серьезно ответила я.

— Тогда мы отлу...

Джой хотела развернуться, но вместо этого случайно ударила Гейла плечом. В панике она положила руки на его грудь и с надеждой в голосе спросила:

— Тебе не больно?

— Совсем нет, — добродушно усмехнулся парень. — Ты всегда такая беспокойная и впечатлительная?

Джой быстро посмотрела на свои ладони и сразу убрала их. Она решила сделать вид, что ей срочно понадобилось поправить локоны, но, к ее сожалению, они были собраны. Пальцы сжались, веки закрылись, она выпрямила руки. От стыда Джой вела себя странно.

— Нет, это так на меня толпа влияет! — отмахнулась она. — Я скоро вернусь, подождешь меня здесь?

— Без проблем.

Мы с Джой отошли на безопасное для разговора расстояние, и подруга тут же воскликнула:

— Спасибо, что ты меня увела! Еще чуть-чуть — и я, — она схватилась за сердце, — упала бы здесь замертво.

— Почему ты так нервничаешь? Ведь выбор уже позади, он твоя судьба, — спросила я, на что сразу же получила в ответ взгляд, полный осуждения.

— В смысле почему? Тебя хоть раз парень обнимал?

— Да.

— Я не про дружеские объятия!

— Эм, нет, — опешила я. — Конечно нет, ты же сама знаешь, что до церемонии...

— Именно! Это все так необычно, странно. Я думала, что будет просто. Но он ведь совсем не друг, а.. — девушка запнулась, перевела дыхание и опустила плечи. — В общем, мне стыдно. Я бываю совсем глупой, странной, чересчур веселой. Боюсь опозориться перед ним. Он другой. Какой-то зрелый уже. Ему не будет в радость жить с таким ребенком, как я.

— Ты преувеличиваешь. Ты вытянула его, значит, сама судьба решила, что вы должны быть вместе.

Мне приходилось успокаивать подругу, хотя самой вот-вот предстояло оказаться в таком же положении: незнакомый парень за одно мгновение станет самым близким человеком. Вдруг я ему не понравлюсь? Или

мы будем настолько разными, что ужиться будет практически невозможно? Я нервничала, но продолжала про себя и вслух повторять слово «судьба», будто оно могло помочь и подбодрить.

— Что, если единственный человек, который предназначен судьбой, так и не сможет стать любовью всей жизни? — сказала Джой с не характерной для нее грустью.

И прозвучало это как приговор.

— Да быть такого не может. Судьба все уже решила за нас. Вы с Гейлом станете идеальными мужем и женой.

Нас отвлекла торжественная музыка, церемония начинается.

— Пора, — сказала Джой и поплелась к Гейлу, оставляя меня наедине со вновь проснувшимися страхами.

Моя семья была уже внутри, а площадь практически опустела. Оставались только мы — участницы церемонии, смотрящие себе под ноги, просящие судьбу об истинном счастье.

Нас было всего трое. Три напуганные девушки, которым предстояло сделать самый главный выбор в жизни сразу за двоих — за себя и за будущего партнера. Мы не знакомились, лишь молча кивнули друг другу в знак приветствия и встали в ряд на белой ковровой дорожке. Сегодня участниц церемонии меньше, чем обычно, а значит, внимания лично ко мне будет больше минимум в два раза. Меня это совершенно не вдохновляло, только пугало еще больше. Второй раз за день у меня вспотели ладони; пришлось трясти руками, чтобы высушить их на ветру. Я глубоко дышала, старалась хоть как-то успокоить себя, но никакая дыхательная гимнастика не приводила в чувство, не замедляла стук сердца. Казалось, что меня вот-вот стошнит.

Пришло время заходить внутрь, и нас попросили поспешить. Девушки впереди меня были вполне уверены в себе, будто вовсе не нервничали, держали спину прямо, подбородок высоко, улыбались. Они наслаждались тем, что полный зал потенциальных женихов смотрел прямо на них. Я же никакого восторга не испытывала. Зря я все-таки смеялась над Джой.

Какой бы красивой я ни казалась себе сегодня утром в зеркале, в этот момент я чувствовала себя неудачницей, замыкающей колонну очаровательных девушек. «Красота и привлекательность заключаются в уверенности в своем превосходстве. В конце концов, нас определяет внутренняя сила, а не прическа и макияж», — говорила мне мама, когда, будучи подростком, я замазывала прыщ. Но разве сейчас кто-то видел то, что у меня внутри? Мои огромные от страха глаза и нерешительные шаги отпугнули все взгляды, которые я ловила на себе вначале. Хотя это и к лучшему, ведь никто в итоге не увидел, как нелепо я поднималась по ступенькам на сцену в этих жутко неудобных туфлях.

Мы с девушками одновременно повернулись лицом к залу. Меня моментально ослепил яркий прожектор, и я была за это благодарна, ведь мне не пришлось смотреть на толпу людей, ждущих результата церемонии.

«Сегодня...»

Началась какая-то вступительная речь. Я же продолжала наслаждаться светом, находя в нем покой. Для нас, светлых, любой источник света был одушиной. Мы могли просто поднять голову и посмотреть на солнце, чтобы избавиться от печали и усталости. Это было похоже на сон, на погружение в глубину собственного сознания — весь мир снаружи превращался в незначительное мгновение.

— Аврора Хьюз, пора сделать выбор.



Глава 2

Громкий мужской голос вернул меня в реальность, пришлось повернуть голову, чтобы луч прожектора перестал слепить глаза. Полностью погружившись в собственные мысли, я пропустила создание новых пар, теперь девушки и парни смотрели на меня недоуменно и слегка кивали в центр сцены, к которому я двинулась сразу же, как только поняла, насколько глупо выглядела.

После пары неуверенных шагов я оказалась прямо перед огромной вазой — избирательной чашей, в которой лежало множество маленьких бумажек с написанными на них именами, фамилиями и датами рождения молодых людей. Подушечками пальцев я провела по прозрачному стеклу и ощутила неприятный холод.

— Ну же, Аврора, не бойся, — сказал ведущий церемонии. Я тихонько кивнула и опустила свою руку в сосуд.

Края бумаги неприятно щекотали кожу, но я продолжала просто перемешивать листочки. Не хватало смелости схватить какой-то из них.

Я понравлюсь ему? Будем ли мы счастливы? Подойду ли я ему? Если бы кто-нибудь мог ответить на эти вопросы перед тем, как я вытяну чье-то имя. Меня трясло от непредсказуемости всей этой ситуации, от незнания того, что ждет меня после случайного выбора. Одно из важнейших решений в моей жизни

принимала не я, приходилось просто доверять судьбе. Только в ту секунду это показалось мне пугающе абсурдным.

— Аврора, не томи нас.

Я собралась с силами и, зажмурив глаза, схватила небольшую бумажку — полдела сделано. Надо было вытащить листок, но ком в груди не давал мне даже нормально вздохнуть. Что, если я ошиблась? Ладонь начинала гореть, а листочек будто превратился в миллион мелких иголок.

Нет, больше нельзя было тянуть время. Я взяла именно эту бумажку, а значит, именно этот парень — моя судьба. Мы будем счастливы, как все другие пары. Каждая история начиналась с этого волнующего момента.

Достала листочек и быстро развернула. У меня вдруг проснулся сильный интерес, который заглушил все остальные тревожные мысли. Я несколько раз прочитала имя про себя, прежде чем произнести его вслух.

— Дэйв Брукс! — получилось даже слишком громко.

Сидящие парни стали переглядываться, пока со своего места не поднялся тот самый один-единственный. Он посмотрел на меня с противоречивыми эмоциями во взгляде: пытался выглядеть довольным, но на самом деле было заметно, что такое развитие событий его не устраивало. В чем смысл молчаливого упрека? «Не я это придумала!» — хотелось крикнуть мне.

Размеренным шагом он направился в сторону сцены. Я не сводила с него глаз, пыталась рассмотреть и изучить. Вот он — мой будущий муж. Идеально выглаженная белая рубашка заправлена в белые брюки. Светлые волосы в небольшом беспорядке. Он красив, но кажется каким-то холодным. Взгляд светло-серых глаз выражал претензию и только подтверждал эту догадку. Вероятно, я совсем ему не понравилась. Ни

внешне, ни своим глупым поведением. Наверное, он даже считал, что теперь обречен искать точки соприкосновения с той, от которой хочется убежать на другой край света. Но ведь не у всех мгновенно вспыхивали чувства, иногда на это требовалось время. Его у нас было мало, но все же...

Дэйв уже подошел к столику с лежащим на нем симпатичным букетом из белых цветов. Взяв его в руки, он посмотрел на незнакомку рядом со мной, она уже обзавелась женихом, куда более милым и доброжелательным, чем мой. Станный взгляд, слишком загадочный для меня, даже интимный. Словно он осуждал ее, просил сделать хоть что-то, ведь сам был бессилён. Может, он влюблен в нее?

Все равно в конечном счете это не имело значения, так как любовные связи вне брака были запрещены. Он молча отвел взгляд от нее, видимо, пытаясь смириться с происходящим.

«Любовь может быть только одна. До наступления совершеннолетия всем гражданам запрещено иметь любого рода романтические связи.

По достижении двадцатилетнего возраста молодые люди должны пройти процедуру регистрации, после которой их имена попадут в избирательную чашу. На церемонии каждая девушка выберет себе партнера путем вытягивания карточки с данными о нем. С этого момента пара официально начинает свое совместное существование. На сближение дается месяц, после чего должна пройти церемония бракосочетания. В крайнем случае возможны отсрочки.

За нарушение правил предусмотрено суровое наказание, вынесенное судом в индивидуальном порядке.

Мы не сомневаемся, что вы всем сердцем полюбите свою судьбу и создадите счастливую семью».

Наконец, он обратил внимание на меня. Оглядел с ног до головы, быстро, чтобы это не заметили другие, потом пристально посмотрел в глаза. На его лице появилась улыбка. Натянутая, это точно, но я улыбнулась в ответ, хоть мне и было некомфортно. Оставалось искренне верить, что я ошиблась на его счет. С моей стороны было эгоистично ждать восторга от человека, который, по всей видимости, не был готов сменить статус холостяка.

Дэйв подошел ко мне и протянул несчастный букет — в знак его симпатии. Я приняла его без лишних колебаний, продолжила улыбаться и сиять от восторга, чтобы зрители в зале не смели усомниться в правильности и искренности происходящего.

Новоиспеченный жених повел меня к центру сцены, где я увереннее обхватила его руку и приготовилась слушать речь — одну из важнейших в жизни — из уст ведущего церемонии.

— Рука этой девушки, Авроры Хьюз, по велению судьбы вытянула имя этого молодого человека — Дэйва Брукса. Теперь вы пара. Ровно месяц дан вашим чувствам, чтобы они успели вырваться на свободу, окрепнуть и помочь вам создать крепкую, любящую семью. По истечении времени состоится ваше бракосочетание. Вы станете одним целым, нерушимым и прекрасным. Желаем вам светлого будущего!

Зал наполнился аплодисментами, и мы с Дэйвом неловко поклонились, после чего последовало первое наше объятие. Оно было публичным, будто отрепетированным, поэтому никакого ощущения близости я не испытала. Бабочки в животе? Необъяснимый импульс по всему телу? Все, что мне когда-то рассказывали о происходящем между молодыми людьми на сцене, прошло мимо нашей пары. Зато шкала дискомфорта уже практически пробил потолок.

Церемония подошла к концу. Проекторы погасли, а люди, заполнявшие зал, стали покидать свои места. Мне было жаль, что момент, которого я ждала всю жизнь, пролетел так быстро и совершенно не торжественно. Для всех присутствующих это мероприятие не было чем-то особенным, ведь церемонии проводились каждую неделю, менялись только наряженные и взволнованные девушки, выбирающие судьбу своими руками.

— Приятно познакомиться, Аврора, — прошептал Дэйв, когда мы с ним немного отошли от сцены.

— Мне тоже, — я провела рукой по волосам, чтобы убедиться в том, что они до сих пор в аккуратном состоянии. Да, я все еще надеялась, что выгляжу достаточно привлекательно для него.

— Пойдем сегодня прогуляться? Или сделаем это позже?

Лучше бы ничего не спрашивал. Голос у него был приятный; он старался быть любезным, только вот нежелание проводить со мной время не могло скрыться даже за миловидной доброжелательной гримасой. Я была разочарована.

— Конечно, можно и позже. Спешка ни к чему, — сдержанно ответила я.

— Отлично!

Дэйв сделал шаг ко мне, попытался обнять, но остановился, когда понял, что униженная невеста не ответит взаимностью даже ради приличия. Я не хотела этих притворных любезностей, поэтому попрощалась с ним, пробубнив «до встречи». Тем более рядом с нами мило беседовали две парочки, на это зрелище мне смотреть не хотелось.

С тяжелым выдохом, выпуская скопившееся в груди волнение, я направилась в сторону семьи. Они, к несчастью, уже успели познакомиться с родителями Дэйва

и обсудить, как будут рады вместе организовать нашу свадьбу. Это было зрелищем под номером два, которое не приносило удовольствия. Мои слова о том, что мне стало плохо, что я перенервничала и устала, услышал только младший брат, который, в отличие от родителей, не был взволнован предстоящим через месяц торжеством. Он попытался убраться оттуда вместе со мной, но я настояла на том, что хочу побыть одна. Вызвав такси, написала Джой сообщение, что мне нужно отдохнуть и осмыслить произошедшее. Отчасти подруга меня понимала. Так я и исчезла с собственного праздника, сумев избежать излишнего внимания близких.

В дороге я попыталась взглянуть на ситуацию глазами Дэйва. Сейчас он равнодушен ко мне, он не ожидал, что его жизнь перевернется. Но он, как и все, знал наши законы и традиции, он верил в их истинность и правильность. Сегодняшний день направил нас на верный жизненный путь, иного не предусмотрено. Пока мы просто взволнованы: тяжело осознать, что одно мгновение привело тебя к человеку, предназначенному судьбой.

Дома я неаккуратно стащила с себя платье, оторвав несколько жемчужин. Оно казалось шикарным еще утром, а сейчас меня тошнило от одного его вида. Вместо него я надела любимые джинсы с мелкими, не отстиравшимися от травы пятнами, футболку и кроссовки. Затем накинула на плечи кофту и взяла большой рюкзак с блокнотом и карандашами, волосы собрала в высокий хвост, попутно стирая боевой раскрас с лица. Аппетита не было, поэтому я выпила стакан воды и выбежала из квартиры в сторону моего любимого места, о существовании которого я никому не рассказывала.

Это была поляна, находившаяся за пределами города. От глаз людей ее скрывали пригорок и редколесье.

Только там я чувствовала себя достаточно комфортно, чтобы проводить часы напролет за рисованием. Любимое дело поднимало мне настроение, освобождало голову от плохих мыслей, воодушевляло и успокаивало.

Я суетливо достала небольшое покрывало из рюкзака и постелила его на уже примятую мной траву, в голове сменяли друг друга сотни тревог и переживаний. Блокнот на колени, карандаш в руку — решение всех моих проблем. Немного ссутулившись, я начала делать первые наброски. Пройдет час или больше, у меня обязательно заболит спина, но я все равно буду чувствовать себя лучше, чем на церемонии.

Меня ждала новая жизнь, взрослая, с кучей ответственности, которая ляжет на мои плечи. Я не была к ней готова, но как будто меня кто-то спрашивал. Время пришло, я должна перевернуть страницу. Все через это проходят, находят любовь и строят семью. Мы с Дэйвом тоже будем счастливы. По крайней мере, я очень хотела верить в то, что у нас получится так же, как у всех. Я боялась взрослой жизни, но любви все же хотела, вера в нее и в существующие законы убеждала меня, что мои мечты исполнятся.

После нескольких бесполезных попыток успокоиться я все же сдалась. Знакомство с женихом впечатлило меня слишком сильно. Выражение его лица, его натянутая улыбка и желание сбежать от меня ранили так, что отвлечься удавалось лишь на пару минут, а потом мысли снова шли по кругу. Я не чувствовала ни голода, ни усталости, ни боли в мышцах. Только унижение.

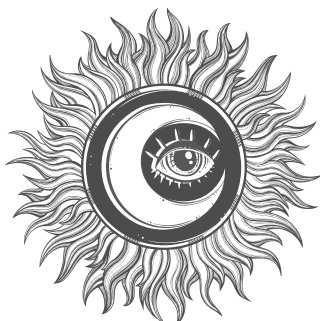
Но самое главное то, что я не заметила, как пролетело время.

Пытаясь нарисовать мелкие детали, я вдруг поняла, что стала хуже видеть. Подняла голову вверх: стемнело, закатные цвета начали меркнуть в темной синеве, а от земли повеяло холодом. Скоро наступит полная

темнота! Я заглянула в рюкзак в поисках телефона, но не обнаружила его там. В голове всплыла картинка: я, не разобравшись, кидаю сумочку на кровать, а затем накрываю ее сверху платьем. Мне никто не звонил, потому что у меня не было с собой телефона. Никто не мог предупредить меня о том, что пора домой, потому что я была настолько не в себе, что забыла о безопасности. Найти меня было невозможно: я не рассказывала, где именно рисовала в последнее время, да меня и не спрашивали, потому что доверяли.

Я не знала, через сколько наступит ночь. Обычно сумерки длились около сорока минут, до дома быстрым шагом можно было дойти за двадцать. Все зависело от меня.

Быстро положив все вещи в рюкзак, я надела кофту, поправила рукава и внезапно почувствовала, что чего-то не хватает.



Глава 3

Я потеряла браслет!

Самая ценная вещь, которая у меня когда-либо была. Моя семья не бедствовала, но и лишних денег у нас не было. Мы жили почти на границе с темными — в худшем и опаснейшем районе светлого мира. Мама в основном занималась мной и братом, поддерживала порядок дома, подрабатывала, чтобы помочь папе, который полностью нас содержал.

Такая модель семьи была самой распространенной и одобряемой правилами. Образование у мальчиков и девочек было совершенно разным, из-за чего женщины с трудом могли найти нормальную работу. В итоге, конечно, это никого не беспокоило: у молодых почти сразу появлялись дети, мамы погружались в заботу о них, а отцы старались обеспечить семью, чтобы никто ни в чем не нуждался. Очень редко кому-то из девушек удавалось продемонстрировать свои способности в школе, получить мужское образование и устроиться на престижную работу. Я слышала, что большинство таких девушек глубоко несчастны, ведь основной повод уйти в карьеру — невозможность иметь детей.

В день моего рождения ранним утром я обнаружила симпатичную коробку у себя на столе. Внутри лежал браслет, о стоимости которого мне страшно было даже подумать. Я прекрасно знала, как много родителям

приходится работать, откладывать, экономить на себе, чтобы порадовать меня. Потерять эту вещь — значит перечеркнуть все их старания. Этот подарок был важным, и не только потому, что стоил очень дорого.

Вероятно, позже все будут ругать меня за этот день, я поступила безрассудно и забыла о безопасности. Ограничение по времени не отменяло поиски браслета: я скинула рюкзак на землю и на коленях стала ползать по холодной земле. Уже на закате светлые видели хуже, даже травинки становились едва различимыми. Вопреки этому я все еще верила, что у меня получится найти тонкую цепочку в мутной картинке перед глазами.

Первые признаки истерики показались на горизонте, когда пришлось второй раз ползти по проверенным местам. Я почти не покидала покрывало, поэтому браслет не мог быть где-то далеко от места моего расположения.

— Где же он? — пробубнила я себе под нос.

Руки от отчаяния стали еще активнее рыться в зелени, рвать с силой травинки, из-за чего под ногтями скопилась грязь. Я была на грани нервного срыва, когда в очередной раз сжала ладонь в кулак и наконец-то почувствовала цепочку.

— Вот ты где! — воскликнула я, пряча браслет во внутренний кармашек рюкзака. В суете и полумраке я бы все равно не смогла застегнуть его.

Теперь мне нужно было бежать так быстро, как никогда еще не приходилось. Рюкзак со всем содержимым при каждом прыжке через ямы больно бился о спину, пальцы и ладони болели из-за ударов о камни после каждой моей запинки. Я понимала, что времени осталось катастрофически мало, поэтому ускоряла темп, игнорируя боль в мышцах и горящие ступни. Тяжело дышала, но двигалась дальше, пока темнота передо мной не стала почти живой, осязаемой.

На вершине пригорка, с которого можно было увидеть мой дом, я полностью ослепла и упала, запнувшись обо что-то на земле.

«С наступлением сумерек все должны покинуть улицу. Ночь — время темных, поэтому светлые ради собственной безопасности должны оставаться дома до рассвета. Если светлый пожелает выйти на улицу по какой-либо причине, наказанию подвергнется вся семья провинившегося. Тот, кто не успел вернуться домой к положенному времени, будет отвечать за свою ошибку».

Лучше бы я подвернула ногу в тех туфлях и осталась дома.

Да лучше бы я вообще сломала обе ноги и оказалась где-то очень далеко от этого места.

Любой другой исход церемонии был бы куда лучше нахождения ночью на улице с кучей ушибов после падения кубарем с пригорка.

Сейчас все светлые находились в своих домах, спокойно спали, были в безопасности. Все, кроме моей семьи, которая будет убиваться всю ночь из-за тревоги и невозможности помочь мне. Я знала, что они бы бросили все силы на мои поиски, если бы это было возможно и не противоречило законам. Но как только они переступят порог, тоже окажутся в опасности.

Те, кто не успел вернуться домой, заранее считались покойниками. И если этот бедолага — твой близкий и любимый человек, тебе остается только надеяться, что утром удастся найти хотя бы его тело.

К моему сожалению, не было никакого специального отряда, который спасал бы таких же валяющихся в траве ночью везунчиков. Даже самые смелые светлые слишком сильно боялись темных, чтобы ради кого-то

рисковать собой. Мы слабее их, трусливее, не выносим насилия. Ночью мы для них легкая добыча: они видят каждую мелочь в полном мраке, слышат лучше и, как животные, чувствуют «добычу» на расстоянии. Правительство никогда не будет рисковать своими людьми ради глупцов.

Не зря по сей день действовал договор с темными: они не суются к нам днем, а мы к ним ночью. Так было комфортно и безопасно для всех. И даже это элементарнейшее правило я нарушила.

Оставаться на открытом пространстве было рискованно. Хотя мое ослабевшее от падения и ушибов тело лежало достаточно далеко от границы двух миров, гарантии, что темные не окажутся рядом, не было. Необходимость где-то укрыться и переждать ночь подняла меня на ноги и заставила сделать первый неуверенный шаг в неизвестном направлении. Забраться на пригорок и спрятаться среди кустов не было сил. Спина, руки, ноги, голова — все мое тело болело. Я уже давно редела: лицо было мокрым, опухшим, но я особо не понимала, в какой момент это началось.

Мне удалось сделать от силы пять шагов перед тем, как я упала обратно на колени, не выдержав давления собственных эмоций. Тихие всхлипы сменились почти воем. Мне пришлось заткнуть рот ладонями, чтобы звуки безысходности и страха не разнеслись слишком далеко. Я правда пыталась успокоиться, но в итоге поддалась слабости, потому что меня никто никогда не учил быть храброй.

Делая глубокие вдохи, агрессивно стирая слезы с лица и стискивая зубы, я постаралась взять себя в руки и сдвинуться с места. Часть меня, куда более сдержанная и сильная, все же не собиралась сдаваться, и ноги с руками сами понесли меня вперед уже на четвереньках. Так мне было проще ориентироваться в пространстве.

Преодолев пару метров, я почувствовала запах чего-то тухлого. Где-то рядом должна была быть помойка, я всегда выкидывала в нее мусор после моих вылазок на поляну. Это далеко не лучшее место для ночлега, но среди баков можно было затаиться.

Когда я успешно добралась до укрытия, от запаха уже подташнивало. Пару раз я нечаянно натыкалась на мелкие, но острые камни и царапала руки, ушибы стали ныть сильнее, от слез жгло глаза, неприятно щипало кожу лица, но любая физическая боль была несравнима с тем, что могло ждать меня после встречи с темными.

О них я слышала еще в детстве, после первого столкновения с одним из них. В ту ночь я узнала, что у них темные волосы и глаза, тогда как у нас — светлые. В школе нам немного рассказали историю разделения, объяснили физиологические особенности — способность видеть в темноте и боязнь света, адаптация организма к условиям жизни, рассказали о законах, затрагивающих оба мира. На таких уроках я обычно была самым любопытным ребенком. Мне было интересно, откуда в темных взялась эта тяга к разрушениям, что было отправной точкой, почему все так получилось. Внятного ответа никто дать не мог. «Мы изначально были абсолютными противоположностями. Доброта давала светлым силы мириться с поведением темных, но со временем их неадекватность переходила все границы и наш страх рос, как и желание уберечь себя. В конечном счете темные стали совершать непростижительные поступки, жить с ними было уже опасно», — отвечал мне преподаватель.

Я пришла к выводу, что на темных повлияла их же сущность. Светлые пытались помочь усмирить ее, но провалили миссию.

За школьные годы, хоть образование и было разным для мальчиков и девочек, у всех светлых появлялось

одинаковое чувство — ненависть к темным. Это самое мерзкое, что я когда-либо испытывала. Мы все отрицали ненависть в своем мире, но к темным что-то иное испытывать было просто невозможно.

Они унижали, издевались, калечили и убивали. Их образ жизни всегда был отвратительным и непростительным. Мы воспринимали это как аксиому. По определению темные — те, кого нужно бояться.

Толку от всей этой информации не было: мы все равно никогда не сможем окончательно справиться с ними. Во-первых, у нас недостаточно сил и навыков, ведь самозащита нас не обучают. Во-вторых, мы не признаем сам факт насилия, никто никогда в светлом мире не причинял вред, тем более физический, другому человеку. Уничтожение темных раз и навсегда упростило бы нашу жизнь, но такие жестокие и кардинальные меры не вписывались в рамки нашей сути. Мы совсем другие.

Поэтому сейчас мне приходилось скрываться среди помоев, хотя я могла бы спокойно идти домой ночью под светом высоких уличных фонарей. К запаху я привыкла, и мои рвотные позывы прекратились. Раны на ладонях спрятали под рукавами, потому что в этой антисанитарии легко можно было подхватить инфекцию. Реветь я прекратила.

Опершись на мусорный бак всем телом, я попыталась расслабиться. Меня тревожили чувства голода, холода, усталости и страха. Пугал не только риск быть замеченной, но и ощущение полной беспомощности. Перед глазами мрак, вокруг ни звука, только тихим гулом в ушах отдавалось громкое биение сердца. Этот вакуум словно изолировал меня от внешнего мира, полного угроз и опасностей. Я попыталась уснуть, чтобы мучительные часы прошли как можно быстрее.

Спустя какое-то время у меня это почти получилось. Мое тело окончательно размякло и вымоталось из-за бурных эмоций, не было ни единого шанса понять, что происходило за черной ширмой, ограничивающей мои возможности видеть и слышать. Дремота же была приятной, в этом умиротворении не было жутких картинок и кошмара из детства, я не дрожала и не прокручивала в голове варианты собственной смерти. Хотелось верить, что этот покой продлится до рассвета, но все оборвалось в одно мгновение вместе с далеким, но очень громким хлопком.

От испуга я дернулась, со всей силы ударилась локтем о мусорный бак, грохот разнесся эхом далеко в пустоту. Сон как рукой сняло.

Мне пришлось притаиться, сжаться в клубок в надежде, что никто не услышал меня.

— Эй.

Кровь застыла в жилах.

— Твой белый рюкзак достаточно хорошо видно. — От мужского голоса, раздавшегося совсем рядом, все внутренние органы словно завязались в узел.

Раствориться бы сейчас, стать невидимкой, уменьшиться до размера атома! Обняв колени, уткнувшись в них головой и зажмурив глаза, я постаралась предпринять последнюю ничтожную попытку спрятаться. В этом не было никакого смысла: я тряслась от страха, снова ныла и хлопала носом, принимая поражение как трусиха, без шанса на спасение.

Один рывок — и следом резкий звук рвущихся за спиной швов. Неизвестный поднял меня за рюкзак и небрежно толкнул куда-то в сторону.

— Пожалуйста, не трогай меня, — тут же взмолилась я, потому что любое геройство в этих условиях приравнивалось к катастрофической глупости. Сейчас темный — хозяин ситуации, и он прекрасно понимал это.

— Просто молчи и шевели ногами, — лениво произнес он, после чего его сильные руки схватили лямки рюкзака и поволокли мое ватное от страха и усталости тело в неизвестном направлении.

На каждый новый рывок я отвечала всхлипами и жалостливым скулением. Швы от одежды впивались в кожу, а ноги путались между собой, из-за чего я запинаясь и злила темного своей неуклюжестью. За громкими звуками собственного плача я не различала ругательств, которые неизвестный бормотал каждый раз, когда я пыталась вырваться, упасть, захлебнуться в слезах. Да, для меня лучше с позором задохнуться в припадке истерики, чем столкнуться с тем, что для меня приготовил этот монстр.

Когда мы начали проходить сквозь заросли кустов и пара веток ударила меня по лицу, я поняла, куда он меня ведет, и воскликнула:

— Только не ваш мир! Если хочешь убить меня, то сделай это быстро, без помощников. Прошу, не издевайся.

Я попыталась пойти в обратном направлении, но темный был достаточно сильным, чтобы даже не сдвинуться с места. Он насмеялся надо мной, из-за этого я чувствовала себя еще более жалкой. Темный даже позволил развернуться лицом к дороге, перехватив рюкзак одной рукой так, что в итоге я повисла на лямках, которые впелись в плечи, а по спине прошелся легкий ветер. Абсолютно абсурдная идея пришла в мою голову: я скатилась вниз, высвобождаясь из плена, и тут же рванула вперед. Прилив адреналина подарил мне чуть больше уверенности в себе. Для меня это был слишком храбрый и, к несчастью, не оправдавший надежд поступок. Темный догнал меня, когда я почти прорвалась сквозь кусты, схватил за предплечье и дернул на себя. Я ждала, что он ударит меня, но в итоге он лишь сказал:

— Вполне неплохо. Теперь ты продолжишь идти?

Он был спокоен и сдержан, в то время как я дышала полной грудью, взбудораженная своей маленькой безрассудной выходкой. По крайней мере, я должна была попытаться спастись.

Оставшийся короткий путь до секретной точки назначения я шла поникшая. Со мной даже не надо было бороться, чтобы я послушно передвигалась так, как нужно было ему. Больше не было слез и истерик. Неожиданно вспыхнувший псевдогероизм успокоил меня и напомнил, что я — светлая, представитель идеальной половины человечества, а этот темный — отброс общества. Как бы страшно мне ни было, я все еще была лучше, выше и достойнее него.

Мы зашли в какое-то помещение со скрипучими половицами и, судя по сквозняку, с разбитыми окнами. Меня усадили на ветхий стул, рядом бросили рюкзак.

— Итак, что ты забыла ночью на улице? — задал он вопрос, встав прямо напротив меня.

— Что ты собираешься со мной сделать?

— А ты разве не догадываешься?

По телу пробежали мурашки, я съежилась, но виду, что я в полном ужасе, не подала.

— Ты собираешься меня убить. — И это был не вопрос. Я это знала. С детства все твердили, что они убийцы, явно не в игры пригласил поиграть.

— Давай сделаем вид, что ты заинтригована, — темный сдвинулся с места, и мне пришлось приложить все усилия, чтобы хотя бы на слух определить, что он делает.

— Просто сделай это уже, — прошептала я.

— Храбришься, — голос раздался где-то справа от меня. Его шагов не было слышно, он будто плыл по полу, передвигался совсем бесшумно. — Пытаешься держаться достойно, но не замечаешь, как дрожишь.

А лицо твое все красное и опухшее от слез. Жалкое зрелище.

— Ты собираешься говорить очевидные вещи?

— Мне приступить сразу к делу? Лучше растянуть удовольствие.

Темный стоял за моей спиной. Я поняла это, когда он приблизился, когда щеки коснулось его дыхание, а по шее от близости пробежали мурашки. Было мерзко, мне хотелось закричать, чтобы он убрался от меня подальше, но, сделав глубокий вдох в попытке унять бурю эмоций, я почувствовала запах.

Его запах.

Все вокруг остановилось, страх остался где-то за пределами этого незнакомого ощущения. Его присутствие показалось жизненно необходимым. Уйдет он — я пойду следом. Возникла странное, безумное желание коснуться его. Я не заметила, как потянулась к нему, чтобы впитать в себя еще больше запаха.

— И как ты объяснишь свою тягу к прекрасному?

Он резко отпрянул от меня, и вся магия рухнула в секунду.

— Что это было? — мне стало не по себе. Стыдно чувствовать что-то подобное к тому, кого ты по всем канонам должна ненавидеть. Захотелось вытряхнуть из головы все ненужное, чтобы запах забылся как можно скорее. Я действительно не понимала, что это за минутное помешательство.

— Все-таки светлые не такие уж и правильные.

— Дело не в правильности, а в запахе. Он...

— Намного лучше твоего, — перебил темный. —

Мне все равно, что твоя похотливая фантазия нарисовала в белобрысой голове. Я задал вполне понятный и простой вопрос: что ты забыла ночью на улице?

— Это случайность. Просто нелепое стечение обстоятельств.

— Вы, светлые, настолько безмозглые, что можете по чистой случайности подвергнуть себя опасности?

— Я да. Зато я не ничтожество, которое выползает по ночам из своей норы и угрожает ни в чем не повинным людям.

Окончание фразы растворилось в жутком скрипе — темный пнул деревянную ножку стула. Я вскрикнула, ожидая падения, но он придержал спинку стула и приблизился так, что я вновь начала чувствовать его запах. Пришлось задержать дыхание.

— Чем вы лучше нас? — спросил он. — Называешь меня ничтожеством, но именно ты распускала сопли, кричала о пощаде, хотя я и пальцем тебя не тронул. А теперь сидишь, огрызаешься. Откуда взялась твоя смелость?

Я не знала, что ему сказать. Бояться темных — это так же естественно, как бояться смерти. Поначалу я правда готова была ползать у него в ногах и молить о пощаде. Да и сейчас знала, что после первого же удара от моей смелости не останется ничего, кроме слез и слова «пожалуйста».

— Скачок адреналина, — наконец хоть что-то промямлила я.

Ответ его не устроил. Он хмыкнул, отстранился от меня и зашагал куда-то в сторону, в этот раз будто специально громко шаркая ногами.

— Я темный, ты светлая. Такие, как я, убивают таких, как ты. Так ты считаешь?

Что бы он сейчас ни говорил, как бы ни тянул время и ни держал дистанцию, этот спектакль закончится сценой моей смерти. Этот факт о темных мы учили наизусть, как таблицу умножения. У него, вероятно, свои извращенные методы допроса, доводящие жертву до стадии бешенства. Нужно было менять манеру поведения.

«Он тебя убьет. Они все одинаковые. Они все чудовища, — твердил внутренний голос. — Ты не сможешь спастись».

— Вопросы, вопросы и снова глупые вопросы. Я светлая, а это значит, что ты не имеешь права прикасаться ко мне. Таков закон! — вспыхнула я. — Если ты убьешь меня, то с тобой мигом расправятся!

В ход пошли «угрозы», но темный лишь ухмыльнулся.

Конечно, он знал об этом древнем законе. *«Темные не имеют права прикасаться к светлым»*. Эта строка в договоре — единственная защита для светлых ночью.

— Ваша неприкосновенность портит все веселье, но как хорошо, что меня абсолютно не волнуют законы.

— Ты можешь быть хоть самым лучшим убийцей среди темных, но меня ты даже пальцем не тронешь. Когда мое тело найдут, у темных начнутся проблемы, и тогда они сами тебя накажут за то, что ты вообще решился заговорить со мной. Выход из этой ситуации один: отпусти меня, и я никому не скажу о нашей встрече.

Приходилось придумывать на ходу всякий бред. Светлые и правда были неприкосновенными, но вряд ли кто-то захочет искать настоящего убийцу.

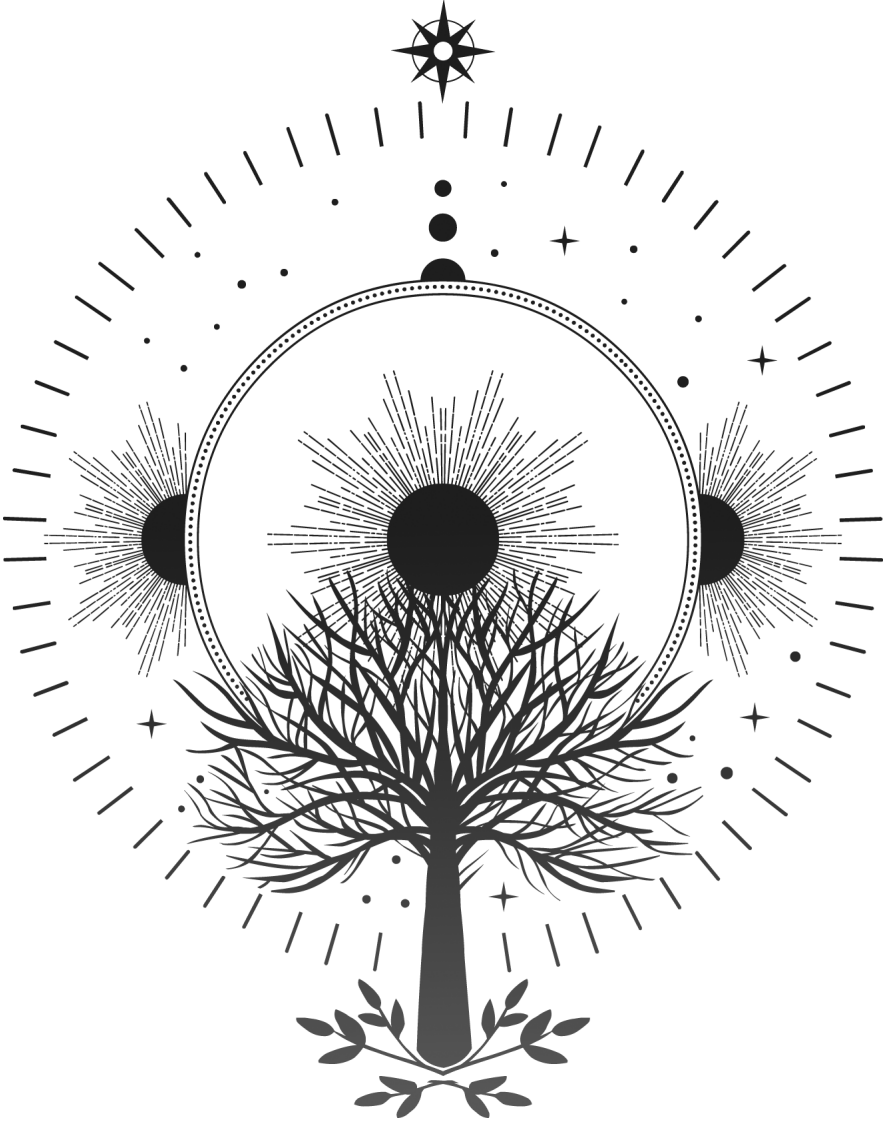
Во-первых, эти поиски бесполезны, никто все равно никого не найдет. Во-вторых, этот закон был всего лишь условностью. Ночью светлые могли стать игрушками для своих врагов, потому что темных не пугают наказания и никто не может им помешать.

Ходили слухи, что некоторые светлые все же оставались в живых, потому что темные предпочитали вот так же тянуть время и издеваться. После жертвы рассказывали о случившемся и нападавшего чудесным образом находили. Но куда больше историй о тех, кого спасти не удалось.

— Мы оба с тобой знаем, что этот закон бесполезен, но я подыграю тебе.

Прямо возле меня раздался звон разбитого стекла, множество осколков посыпалось на пол. Я не успела даже испугаться, как острые края — предположительно бутылки — оказались возле моей шеи.

— Из любой ситуации можно найти выход. — Я окаменела. Все остатки смелости и безрассудства куда-то испарились. — Да, я действительно не имею права прикасаться к тебе, ведь любой контакт между светлыми и темными запрещен. В том числе такая мелочь, как убийство. Но что, если я так и не прикоснусь к тебе? Что, если мы сделаем вид, что эта разбитая бутылка случайно перерезала тебе глотку? — Он медленно провел по тонкой коже стеклом, держа бутылку за целое горлышко. Я зажмурилась, сглотнула. От бешеного стука сердца в груди заболело. — Что-то ты притихла, дорогая, больше не хочешь ничего мне сказать?





Глава 4

Что чувствует человек, когда его жизнь перестает принадлежать ему? Что происходит, когда ты находишься на волоске от смерти?

Перед глазами появились образы моей семьи и моих друзей. Близкие люди наполняли мою жизнь, делали ее насыщенной и интересной. Я любила их и больше всего сейчас хотела вернуться к ним. Бороться? Да, это было бы правильно, но что я могу, если даже мои собственные глаза не могут мне помочь?

— Я больше... — сказать и вправду уже нечего. Всякий бред лез в голову, но толку от него было мало. Передо мной стоял не идиот, даже не псих, каковыми темных описывали чаще всего.

Он был холодным, безэмоциональным и сдержанным. То, что он приволок меня сюда, было частью какого-то плана, чтобы развлечься, побороть скуку. Да, он казался мне скучающим и уставшим, а со мной можно делать все, что душе угодно. В противном случае я не знала, к чему весь этот спектакль.

— Славно. Надеюсь, ты замолчишь и перестанешь молоть чушь. Это очень бесит, — наконец он отстранился, а я смогла вдохнуть полной грудью. Мне все еще казалось, что стекло возле моей шеи. Дурацкое фантомное ощущение! Но я все же хотела казаться спокойной и послушной, тогда как грудь каждую секунду прошибало молнией.

Я уже пыталась давить на жалость, пыталась нелепо припугнуть или вызвать у него приступ ярости, чтобы он принял хоть какое-то решение: отпустил меня или быстро и безболезненно убил. Что еще я могла сделать?

— Неужели это доставляет тебе удовольствие? — от безысходности спросила я.

— Если хочешь промыть мне мозги, то знай, что лучше не стоит, — мрачно отозвался он.

— Я не этого хочу. Мне интересно понять мотив твоих действий. Почему ты такой?

— Ты не хочешь понимать, тебе просто нужно очередное подтверждение того, что темные — монстры. Не обманывай хотя бы себя.

— Я бы и не смогла.

Светлые не умеют врать, мы начинаем кашлять, когда пытаемся слукавить.

На самом деле я всегда считала это чем-то необычным. У каждого из нас случаются ситуации, когда проще солгать или промолчать, но все устроено так, что малейшая попытка приукрасить правду проваливается каждый раз — человек раскрывает себя, начиная кашлять. Ложь — это плохо. Светлые живут идеально и правильно. Возможно, есть способы солгать, но нам о них не известно.

— Что ты имеешь в виду? — спросил темный.

— Светлые никогда не врут. Мы просто не умеем.

— Любопытно, — заключил он. — Как я должен в это поверить?

— Кашель. Он выдаст меня.

Темный какое-то время молчал, обдумывал информацию.

— Тогда скажи искренне: что ты сейчас чувствуешь?

Это было легко. Не видела смысла умалчивать: у меня все написано на лице.

— Страх. Одновременно желание выбраться и принять ситуацию.

— Ты веришь в то, что сможешь выбраться? Что сможешь вернуться утром домой? Что я позволю тебе уйти?

— Да, — такое короткое слово, от начала и до конца лживое. Я резко начала кашлять, не сумев остановиться.

Ты просто задумываешься о том, что хочешь солгать. Слова вылетают из твоего рта, и ментально по горлу будто начинают ползать мелкие жуки. Становится противно, и ты пытаешься избавиться от этого ощущения, а твой собеседник уже знает, что ты соврал.

— Если вы такие идеальные, зачем вам этот индикатор? Ты сейчас попыталась соврать мне, хотя по натуре своей не склонна ко лжи. Вы только пытаетесь быть теми, за кого себя выдаете.

— Это не так.

— Уверен, в вашем мире полно людей, которые уже смогли справиться с этой вашей причудой.

— Нет, — настаивала я. — В нашем мире не врут.

— Вы не врете не потому, что хотите говорить правду. Вы просто вынуждены, иначе останетесь без легких.

— А что насчет вас? Было ли в вас когда-то хоть что-то хорошее?

— Нет, — темный даже не задумывался. — Мы рождаемся такими, какими вы нас считаете.

— Раньше мы жили все вместе. Не может быть такого, что это не оставило следа, должно быть хоть что-то хорошее.

Удивительно, что я действительно в это верила. Да, в школе тоже говорили, что темные изначально были такими, но говорили это по шаблону, а на уточняющие вопросы ничего внятного ответить не могли. Вероят-

но, учителя не знали всего и говорили только то, что им самим рассказывали в детстве.

— И даже не соврала. Попытка вызвать жалость, слабоватые угрозы, поддельное смирение, а теперь что? Пытаешься меня задобрить? Интересно, какие еще способы повлиять на меня ты найдешь?

Темный сдвинулся с места и медленно приблизился ко мне. Я чувствовала его близость каждой клеточкой тела, вновь запах ударил в нос, невероятный, сбивающий с толку, он путал все мысли и влиял на мой организм сильнее, чем что-либо до этого.

«Убийца, убийца, убийца», — кричал голос в голове. Соберись, Аврора!

— Это все будет бесполезно: ты все равно сделаешь то, что планировал. Только почему ты медлишь? Зачем ты привел меня сюда, усадил на этот стул и болтаешь со мной?

— Для тебя темные — неандертальцы? — он усмехнулся. — Мы любим иногда поговорить, особенно с необычными людьми.

— Если твоя цель не убийство, то что?

Он не спешил отвечать на вопрос, с любопытством разглядывал. Я чувствовала это. А потом вдруг резко отодвинулся и произнес:

— Возможно, ты и права. Мне пора начать соответствовать твоим ожиданиям.

Видимо, весы в его голове наконец-то наклонились в нужную сторону. Только вот чаша, на которую упал груз, меня не радовала. Он действительно решил меня убить. До этой секунды я не ощущала приближение финала, где-то фоном были лишь редкие кошмарные мысли о будущем.

Темный опять стал ходить где-то в стороне от меня, то неслышно ступал на пол, то пинал камни и топтал осколки.

— О чем ты думаешь? — аккуратно спросила я.

— О том, как все закончить.

Я нервно сглотнула. Ладно, моя встреча с темным могла пройти еще хуже. Пытки, насилие, издевательства — неприятности начались бы еще у помойки. Этот чего-то хотел от меня, зачем-то разговаривал и пока не показывал себя с настоящей стороны.

— Ладно, мы правда засиделись.

— Стой! — воскликнула я, когда услышала, что он приближается ко мне. — Выслушай меня!

Он замер в шаге от меня, недовольно выдохнул, но все же позволил сказать.

— У меня есть к тебе предложение.

Это был отчаянный шаг. В голове все еще были образы людей, которых я люблю. Я чувствовала вину за то, что по собственной невнимательности не вернулась домой и осталась ночью на улице, причинила близким боль, заставила их страдать. Они должны были увидеть меня, убедиться в том, что не несут ответственности за все, что происходило со мной с момента церемонии. Мне нужно было просто провести с ними хотя бы один день и поставить точку.

— Я сделаю все, что ты хочешь, только позволь мне прожить еще один день. Мне большего не надо! Только попрощаться с семьей, увидеть их в последний раз.

Из-за того, что темный долго молчал, моя просьба казалась мне все глупее с каждой секундой. Возможно, я прогадала и ему ничего от меня не нужно было, а разговоры — просто его метод растянуть удовольствие.

— Ты серьезно подумала, — начал он медленно проговаривать каждое слово, — что я доверюсь тебе, светлая? Что я просто возьму и отпущу тебя, потому что ты попросила и потому что ты якобы не умеешь врать?

— Я дам клятву.

Он усмехнулся, прежде чем переспросить:

— Наверное, мне это послышалось. Что ты сказала?

— Я дам клятву. Светлые их не нарушают.

У нас так принято. Любое обещание обязательно выполнялось, иначе совесть могла свести с ума. Мне встречался только один человек, столкнувшийся с этим: одноклассница пообещала принести в школу выполненное дополнительное задание, но забыла. Она каждую перемену уходила рыдать в кабинку туалета, а потом рассказывала, что ей еще долго снилось, как ее отчитывают за проступок. На самом деле это было мелочью, но девочка страдала. Будет гораздо страшнее, если я нарушу обещание такого уровня.

— Если ты нарушишь клятву, что произойдет? Снова кашель? Или, может, несварение? — он откровенно смеялся, ему не понять правила и устои моего мира.

— Нет. Тебе известно, что такое совесть?

— Глупый вопрос.

— Так и подумала, — пробубнила я. — Нарушение клятвы или обещания карается муками совести. Это очень неприятно, что-то наподобие пыток, которые ты сам придумываешь в своей голове.

— И поэтому ты готова поклясться, что повторишь самый глупый поступок в своей жизни, чтобы я убил тебя, лишь бы только не испытать муки совести? Муки, которые ты можешь и не придумать? — удивился темный.

— Я люблю свою семью. Все, чего я сейчас хочу, — это поговорить с ними, увидеть их в последний раз и сказать, что они не виноваты в произошедшем. Если ты меня отпустишь и позволишь провести с ними день, я обещаю, что окажусь ночью на улице, чтобы ты закончил начатое.

Я чувствовала пугающую ответственность за сказанное, но не собиралась отступать. Он в любом случае убьет меня, так что изменится за один день?

Темный не верил мне, но что-то, возможно азарт или любопытство, заставляло его колебаться. От напряжения я неловко ерзала на стуле.

— Как ты все провернешь? — спросил он.

— Мой дом самый крайний, из окна моей комнаты на первом этаже виднеется граница с вашим миром. Ночью, когда все лягут спать, я выпрыгну на улицу. Ты сразу заметишь меня.

— Попрощаешься с родными и покинешь свой дом, чтобы я тебя убил?

— Да, я прошу только об одном дне.

— Ты сама понимаешь, что это абсурд?

— Это не... Я не обманываю тебя, — первый раз за все время я уверенно подняла глаза и словно нащупала в темноте непробиваемую стену холода, исходящего от него. На долю секунды мне показалось, что лед треснул, но темный сразу же отступил, не позволяя себе почувствовать хотя бы что-то. — Мне уже нечего терять, я совершила ошибку, она будет стоять мне жизни. Ты победил, и мне лишь остается надеяться, что твои планы на меня можно отложить до следующей ночи.

— Хорошо, — почти сразу произнес темный, — это похоже на сказку, но я согласен на эту маленькую сделку, светлая. Поклянись, что появишься завтра ночью на улице.

— Клянусь, — прокряхтела я. Из глаз вновь полились слезы, но уже не от страха, а от отчаяния. Не каждый день даешь согласие на собственное убийство.

— Этого недостаточно.

Я вдохнула полной грудью, попыталась успокоиться, после чего вытянула свою руку вперед. Моя замер-

шая в воздухе ладонь дрожала из-за переживания, что сделка покажется ему слишком нелепой, но я не врала, не играла с ним.

— Я не вру. Клянусь, — повторила я шепотом, продолжая шмыгать носом, в такт ему дергались плечи.

Мое воображение нарисовало огромную ладонь с кучей шрамов, огрубевшими пальцами и алыми пятнами, словно с кожи уже нельзя оттереть кровь. От этой картинки меня затошнило, но руку я не убрала.

— Убери, — небрежно приказал темный.

— У вас не пожимают руки?

— Пожимают, но светлой руку я никогда не подам.

Конечно, ведь темным мы тоже, мягко говоря, неприятны. Только мы, несмотря на ненависть, не идем на их территорию днем и никого не убиваем.

— Как скажешь, — сухо ответила темному.

Откинувшись на спинку стула, я подняла голову, попыталась стереть с лица непрошеные слезы и услышала скрип. Из-за того, что я слишком сильно надавила весом на стул, он стал падать. На секунду я повисла в воздухе, из груди вырвался короткий крик, который стал громче, когда я почувствовала, как что-то острое прошлось по ладони. Я не упала, темный снова успел меня поймать.

— Зачем ты это сделал? — в ужасе закричала я. Ладонь горела, теплая кровь стекала по ней к локтю, кофта липла к коже. Я ведь пыталась договориться с ним, вела себя спокойно и сдержанно.

«Он убийца, он может только причинять вред. Чего ты ждала?»

— Я... — темный начал что-то говорить. Я испугалась и пнула его. Никогда еще не чувствовала подобного. Светлых можно смело считать неженками: мы плохо переносим боль, потому что сталкиваемся с ней редко.

Из-за попыток хоть как-то остановить кровотечение неприятные ощущения становились сильнее: пальцы немели, порезанная кожа адски горела, будто кто-то подносил к ней спичку. Я попыталась отвлечься от раны, поджала искусанные губы и положила пульсирующую руку на колени, второй рукой — обхватила запястье, большим пальцем ощупала область вокруг разрезанной кожи. Хорошо, что я не видела всего этого, иначе меня бы уже давно стошнило.

— Слушай меня внимательно. — Темный навис надо мной, его низкий голос лишил меня остатков самообладания, я готова была заскулить как маленький побитый щенок. — Ты должна будешь подчиниться мне до тех пор, пока этот порез на твоей ладони не заживет. Любое слово против моего — и ты пожалеешь, что попросила об одолжении. Если не выйдешь ночью на улицу, то я найду, где ты живешь, и прощаться тебе будет не с кем. Уяснила?

Теперь битая бутылка коснулась моей щеки. Кровь на кончиках острого стекла испачкала кожу:

— Да, я все поняла.

— Поклянись! — рявкнул он

— Я клянусь, что буду подчиняться тебе, пока на моей ладони остается хоть малейший след от пореза.

Все. Я только что поставила подпись в смертном приговоре.

— Отлично, — отозвался он, — тебе понравится, светлая.

Он откинул в сторону горлышко бутылки и сделал шаг назад.

— Смотри-ка, ты даже не хлюпаешь своим светлейшим носом.

Сумасшедший. Я опустила голову и не обратила внимания на его шутку. Затем сморгнула оставшиеся в уголках глаз слезы и спросила:

— А что будет потом, когда рана затянется, когда совсем не останется следов?

— У нашей сделки два исхода: либо я убью тебя, либо твое правительство сделает это за меня.

— Что же, — я в очередной раз осознала, как же мне повезло, — и на этом спасибо.

Меня ожидало что-то «грандиозное», но мне было все равно. Чувства будто пропали в один момент. Не было страха, волнения, даже счастья, что я еще жива. Только где-то в глубине души кусочек едкой благодарности, что он позволил.

Он позволил мне прожить еще несколько дней.

Теперь я поняла, как унижительно это все выглядело со стороны.

Но я все равно расслабилась, ощутила, что ветер на улице сегодня особенно холодный. Вокруг тишина, даже темного не слышно. Возможно, он сейчас наблюдает за мной или уже ушел, не желая сторожить жалкую подбитую птицу.

Порез вновь напомнил о себе, отозвался ноющей болью во всей руке. Теперь я вполне могла размять пальцы, только каждое мое движение усугубляло ситуацию и кровь вновь начинала капать на пол.

«Я клянусь, что буду подчиняться тебе, пока на моей ладони есть хоть малейший след от пореза».

«Аврора, это не просто царапина, которая рано или поздно навсегда исчезнет. От такой раны останется шрам. Навсегда».

Темный прекрасно это понимал! Теперь его слова обрели новый смысл. Сделка не имела срока давности, все зависело от него.

— И когда это закончится? Когда тебе надоест? — крикнула я в пустоту.

Внутри меня все сжалось. Я скатилась со стула, внутренний стержень надломился.

Светлые слабы. Темные могут нас растоптать.

Спасибо правительству, что внушило нам это. Теперь я действительно растоптана. Огромный ком негативных эмоций, от которых мы привыкли избавляться, стал частью меня. Я чувствовала, что падаю в пропасть, что не будет больше той Авроры, которая все еще хотела быть ребенком, хотела жить мечтой, которая верила, что ее полюбят.

Увидеть бы сейчас хоть какой-нибудь лучик света, но ночью на небе только россыпь из звезд и луна. Мы боимся и ее тоже, луна принадлежит темным, дает им право жить.

Когда же наступит рассвет?



Прохладный свежий ветер нежно коснулся лица, убирая с него пряди лохматых волос. Я открыла глаза, попыталась понять, где нахожусь. Капли росы с широких листьев падали на кожу, немного бодрили, а ветки, тонкие, но очень крепкие и острые, цеплялись за одежду. Поднявшись и прикрывая лицо руками, я вышла из мелких зарослей и очутилась на очищенной от развалин пустоши перед домом.

Как я здесь оказалась? Видимо, темный проявил заботу к своей новой игрушке и спрятал меня в кустах, служивших границей.

Я подняла руку, посмотрела на порез. Кровь успела запечься, но уродливая рана, покрытая грязью, трескалась при любом резком движении и алая жидкость снова появлялась на поверхности. Не хватало еще подцепить какую-нибудь заразу.

Уже подцепила.

Быстро осмотревшись, я увидела расплывчатые силуэты мусорных баков, возле которых хотела спрятать-

ся. Сейчас-то я понимала, что место ненадежное, но ночью хотелось верить в чудо. Где-то позади, за кустами, было то самое заброшенное здание, в котором я провела ночь. В голове прозвучал скрип стула, и меня передернуло.

Я пошла в сторону дома медленным вялым шагом. Когда я обошла его, чтобы подойти к подъезду, встретилась со светлыми, идущими по своим делам. Они косились в мою сторону, не знали, что делать. Выглядела я жалко: вся испачкана грязью и кровью, ладонь порезана, волосы торчат в разные стороны, лицо опухшее и красное. Хорошо хоть, что закрытая одежда прикрывала ушибы после падения.

Ко мне стали подходить люди, предлагать помощь, но я тактично отказывала и продолжала, шатаясь, идти к дому.

«Она пережила ночь на улице? — слышались вопросы от прохожих. — Как ей удалось выжить?»

Я вовсе не выжила. Они просто не знали, что я уже труп.



Глава 5

Обычно наш район казался мне пустынным: пятиэтажные дома с желтыми ржавыми пятнами на белых кирпичках, ряд машин на парковке, пустующие детские площадки и люди, бегущие по своим делам куда-то в центр, где кипела жизнь, красивая и безопасная. Сейчас я замечала каждого человека, чувствовала каждый взгляд, и это раздражало. Мертвый район утром казался чересчур живым.

Я почти подошла к нужному подъезду, когда услышала крик, наполненный отчаянием и облегчением одновременно:

— Аврора, милая!

Мама стояла у двери: ее лицо опухло, под глазами появились темные круги. Руки так тряслись, что даже обнять меня ей было трудно. Этой ночью она точно не сомкнула глаз.

— Где же ты была? Как хорошо, что ты жива!

Если бы она не была такой ранимой, скорее всего, отругала бы за несоблюдение комендантского часа, узнав о причине моей ночной прогулки. Вероятно, посадила бы под домашний арест до самой свадьбы, но она смогла только зарыдать на моем плече и шептать слова благодарности, что я снова рядом.

Я обняла ее в ответ, но сдержанно. Какая-то скованность была внутри, я боялась, что излишняя нежность выдаст меня с потрохами.

— Мы не могли идти за тобой, мы... Прости, что мы не помогли тебе!

— Прошу, не надо, мам. Все в порядке. Мы заложники распорядка, созданного для нашего же блага. Ночью вы не смогли бы мне никак помочь.

Хотела бы я знать способ, который избавил бы мою семью от чувства вины. Ведь я знала: не будь всех этих запретов на ночные вылазки, они бы ринулись меня искать, не задумываясь ни о чем. Но есть правила, и был риск, что тогда пострадали бы и они.

— Моя родная, — она отстранилась и взяла мое лицо в ладони. Все еще тряслась, все еще плакала, даже после того, как увидела мою улыбку. — Я всю ночь не спала, ждала рассвета. В какой-то момент я просто потеряла сознание, когда очнулась, твоего отца и брата уже не было дома. Они ищут тебя до сих пор.

— Позвони им и скажи, что я в полном порядке. Мой телефон, как ты знаешь, дома, — взгляд стыдливо опустился в пол.

— Ты опять где-то рисовала? Ты никогда не переставала следить за временем! Что случилось?

— Это очень долгая история, — отмахнулась я с усмешкой.

Будто это смешно, Аврора.

— Как ты смогла выжить?

— А это просто чудо. Главное, что я здесь, верно? Остальное такой пустяк.

Я взяла ее за запястья и убрала руки от лица. Мама продолжала виновато разглядывать меня. Пусть смотрит, только бы не задавала вопросы. На большинство из них я не смогу ответить честно.

— Не надо корить себя за это, прошу, — шепчу ей. — Это моя ошибка, не надо было забываться и...

Мама совсем меня не слушала. Я замолкла, когда она начала осматривать мою испачканную в крови руку.

— Срочно к врачу, — заключила она. — Надо зашивать, а еще пропить лекарства, вдруг ты инфекцию какую-нибудь подхватила.

— Опять драматизируешь.

— Аврора! — под ее строгим взглядом я сжалась. — Она слишком глубокая, как же ты не понимаешь.

Я все понимала. Просто мне бы не хотелось, чтобы на это обращали так много внимания. Какой смысл? Лучше бы мы обсудили что-нибудь другое.

— Извините.

Нашу беседу прервал незнакомец. Я развернулась и столкнулась лицом к лицу с мужчиной в строгом белом костюме и вычищенной до блеска обуви. Еще немного, и солнечные зайчики от его ботинок начали бы бегать по моему лицу.

Он слишком пристально рассматривал меня, словно я подопытный кролик. Глаза — маленькие микроскопы, казалось, он видел даже мою душу, которая забилась в угол и кровоточила. Для полноты картины ему следовало с деловитым видом записать что-нибудь в блокнот.

— Мы не хотели беспокоить вас. Я правильно понимаю, что вы та девушка, которая не вернулась вчера домой и провела ночь на улице?

— Да, очевидно, это так, — ответ получился слишком ядовитым.

За спиной незнакомца стояли еще двое, но вместо костюма на них была какая-то белая форма. И вся эта троица смотрела на мою грязную одежду, на кровь, размазанную по коже, на лицо: вроде улыбающееся, но будто не живое. Вероятно, папа с утра заявил о моей пропаже, и к дому явились представители правительства.

Я потянула маму в подъезд, потому что терпеть столько ненужного внимания была не в силах, но меня окликнули:

— Подождите, вы должны поехать с нами.

— С какой целью? — мама встала передо мной.

— Она светлая, которая смогла пережить ночь на улице. Правителю будет интересно послушать ее историю.

— Если бы вы пытались спасти таких людей, вам бы не приходилось потом допрашивать их.

— Мы понимаем ваше негодование, но позвольте сказать в нашу защиту, что это не мы нарушили закон, — мужчина взглянул на меня.

— Позвольте сказать в нашу защиту, что сейчас я должна помочь дочери оправиться после произошедшего. Ваши беседы ей ни к чему.

— Информация, которую важно зафиксировать сейчас, пока она все помнит в деталях, поможет в будущем избежать таких ситуаций. Мы все еще бессильны перед темными, они опасны для каждого, а она может дать ответы на важные вопросы.

Мама продолжала упорно защищать меня, хотя я вроде как не нуждалась в защите. Она была настроена очень агрессивно, как и мужчина напротив нее. Оба противоречили всем правилам и принципам, которые в нас вкладывали с самого детства.

«Никакой агрессии. Верьте тому, что делает правительство».

Было некомфортно ощущать себя яблоком раздора, я была бы не прочь уже вернуться домой, тем более что правду я бы все равно рассказать не смогла.

О нет...

Я могу сказать им правду, но мне нельзя. Нельзя ничего им рассказывать! Я же клялась темному, я должна держать свое слово, иначе он навредит не только мне — пострадают другие.

— Вы пойдете сами или нам помочь?

Люди в форме стали приближаться ко мне. Под влиянием клятвы я пятилась от них.

— Мне нечего вам рассказывать!

«Светлые не должны врать. Вашу ложь выдаст кашель».

Я действительно закашляла, это буквально развязало руки незнакомцам. Один из них отвел от меня маму, второй, схватив за плечи, заставил идти к автомобилю, брошенному прямо посреди дороги. Спротивляться я не могла, хоть ноги иногда изо всех сил упирались в асфальт. Когда я догнала мужчину в костюме, он, не глядя на меня, сказал:

— Плохо врать, вы же знаете.

Меня будто холодной водой окатили. Мама начала возмущаться, что-то кричать, плакать. Мне даже не давали на нее взглянуть, хоть как-то ее успокоить, объяснить, что у меня все под контролем и что они не сделают ничего лишнего. Ведь это же правительство.

Когда я оказалась возле машины, мама затихла. Я хотела обернуться, но меня толкнули в салон, сели за мной следом и заставили смотреть вперед на дорогу. Весь путь я думала, как сделать так, чтобы никто не узнал о сделке. Повезло, что общаться со мной, пока я была в таком отвратительном состоянии, особо и не хотели. Они даже постелили тряпку на сиденье, лишь бы я ничего не запачкала.

Достаточно быстро мы добрались до огромного красивого здания в центре нашего мира, где располагалось правительство. У входа меня встретила чересчур приветливая девушка, одетая с иголки, улыбающаяся так широко, что казалось, будто ей это тяжело дается. Она должна была проводить меня в «специальную комнату», так сказал ей незнакомец.

Из главного холла, где я столкнулась с толпой сотрудников и простых посетителей, мы, миновав огромную стойку регистрации, прошли в правое крыло. Я ушла в собственные тревожные мысли с головой, отвлеклась

и из-за невнимательности врезалась грязной макушкой прямо в белоснежный пиджак девушки. Кукла отпрянула от меня, взвизгнула. Я тут же посмотрела на нее и столкнулась со взглядом, наполненным яростью. Ее ноздри гневно раздувались, в глазах полыхал огонь.

— Извините, — пискнула я.

Ты неуклюжее создание, Аврора.

— Ничего страшного, — сдержанно ответила она.

И вот снова это лицо и натянутая до ушей улыбка.

В лифте она стояла от меня на расстоянии, которое было бы безопасным для нее, но не намекнуло бы на то, что от меня за километр несет отходами. Мне оставалось только позавидовать ее выдержке: я бы с радостью убежала от самой себя на другой конец светлого мира. Зрелище жалкое, конечно.

Девушка завела меня в одно из помещений на этаже. Не успела дверь закрыться, как она уже начала торопливо стаскивать с себя пиджак.

Хлопок. Я осталась наедине с собой в этой комнате: стены были выложены белой плиткой, в углу стояли небольшая софа и журнальный столик, напротив — огромное зеркало, в глубине помещения — раковина и ванная. Несмотря на то что в комнату из окна проникал яркий солнечный свет, круглые светильники были включены по всему потолку, а у зеркала была специальная подсветка. Все вокруг сияло, отбрасывало блики, а я стояла и глядела на свой мрачный силуэт.

Волосы в грязи, в колтунах застряли кусочки травы и листьев. Одежда тоже грязная, на белых джинсах потертости, на бедрах капли крови. На самом деле ущерб был меньше, чем мне казалось раньше. Я посмотрела на свою руку.

«Порез на месте, а на что ты рассчитывала?»

Все не так страшно, как я думала. Просто испачкалась, мне нужен душ. Еще аптечка, чтобы обработать

раны. Я не выгляжу как жертва, которая только что чудом спаслась из пасти зверя. Подумаешь, лицо бледное, губы иссохшие и глаза опухшие, а в них все еще тусклый тлеющий огонек моей прежней жизни. Вот-вот меня стошнит от жалости к себе.

Самым странным было то, что я стала видеть все изъязны.

Девушка, которая провожала меня, показала свои неидеальные эмоции; люди, затащившие меня в машину, продемонстрировали неидеальное поведение. Я выглядела, говорила, даже просто смотрела неидеально. Было во всем вокруг что-то непривычное, как будто в чистую нежную кожу на пальце попала заноза, и сейчас это место ноет, напоминает о себе при малейшем движении.

Встреча с темным убила часть меня. Счастливую и беззаботную, без нее все стало не таким идеальным, каким было раньше.

Спустя какое-то время в дверь постучали. Я тут же отошла от зеркала и посмотрела на женщину с чемо-данчиком в руках.

— Здравствуй, меня зовут Бэйли Олсопп.

Она была примерно одного возраста с моей мамой. Приветливая, тоже улыбчивая, но более искренняя. Она не смотрела на меня с отвращением, зато жалости было хоть отбавляй.

— Здравствуйте, я Ав...

— Ты Аврора Хьюз, я знаю. — Она поставила чемодан на столик. — Можешь со мной на «ты», пусть я и гожусь тебе в матери.

— Хорошо, — я выдохнула и попыталась расслабиться.

— Для начала тебе, моя золотая, стоит принять душ. Отмоем от тебя всю грязь.

Всю не получится.

— Погодите, а я не могу одна... помыться? — не ловко спросила я.

— О, я понимаю твое смущение, но мне сказали полностью осмотреть тебя. К тому же... — Она приблизилась, взглянула в мои глаза и с заботой в голосе продолжила: — Я знаю, через что тебе пришлось пройти и как ты себя сейчас чувствуешь. Главное, чтобы ты понимала, что проведенная на улице ночь не делает тебя хуже. И тем более если ты встретишься с темным...

— Пожалуйста! — воскликнула я, перебивая ее. — Не будем об этом.

— Прости меня за мою бестактность.

Бэйли отошла. Покраснев от смущения, я нелепо стянула с себя джинсы, кофту с футболкой и белье, прикрыла этим бедра, рукой спрятала грудь. Раньше мне приходилось раздеваться на осмотре у врачей, но сейчас все по-другому. Я не была одной из всех в огромной очереди, я была «той самой, которая выжила». Мое тело потеряло всякую значимость, нагота стала для меня постыдной.

Скомканные вещи я все-таки бросила в корзину, встала в ванну, и Бэйли тут же оказалась рядом, включила воду и начала поливать из душа мое тело. Это было слишком унижительно: мне же не годик, чтобы меня купали. Но раз правительству надо контролировать даже это, то хорошо, им виднее. Я была готова честно вытерпеть этот позор.

— Эти синяки, — женщина осторожно провела по ребрам, дотронулась до тазовой кости и остановилась на бедрах. — Это они с тобой так?

— Я упала. Просто упала.

Это же чистая правда, синяков темный мне не оставил. Я сама упала кубарем с пригорка, а темный... Кулаком по ребрам от него я точно не получала. Это

даже было удивительно, если учесть тот факт, что он психопат-убийца.

Рану мы обрабатывали сидя на софе, тогда моя голова была абсолютно пустой, я наслаждалась этой легкостью, не вспоминала постыдные картинки того, как из моих спутанных волос вымывали грязь. Вероятно, обезболивающее было очень эффективным. Лекарство подействовало быстро: я обмякла, шевелиться совсем не хотелось, боль притупилась.

— Спасибо вам, — сказала я, когда все процедуры были позади.

— Не за что, — Бэйли принялась прибираться все вокруг.

Теперь отражение в зеркале меня радовало чуть больше: чистая, ухоженная, в белом легком платье на бретельках, и неважно, что перебинтованная с ног до головы. Мне дали еще несколько таблеток: жаропонижающие и витамины. Я даже улыбалась, почти искренне.

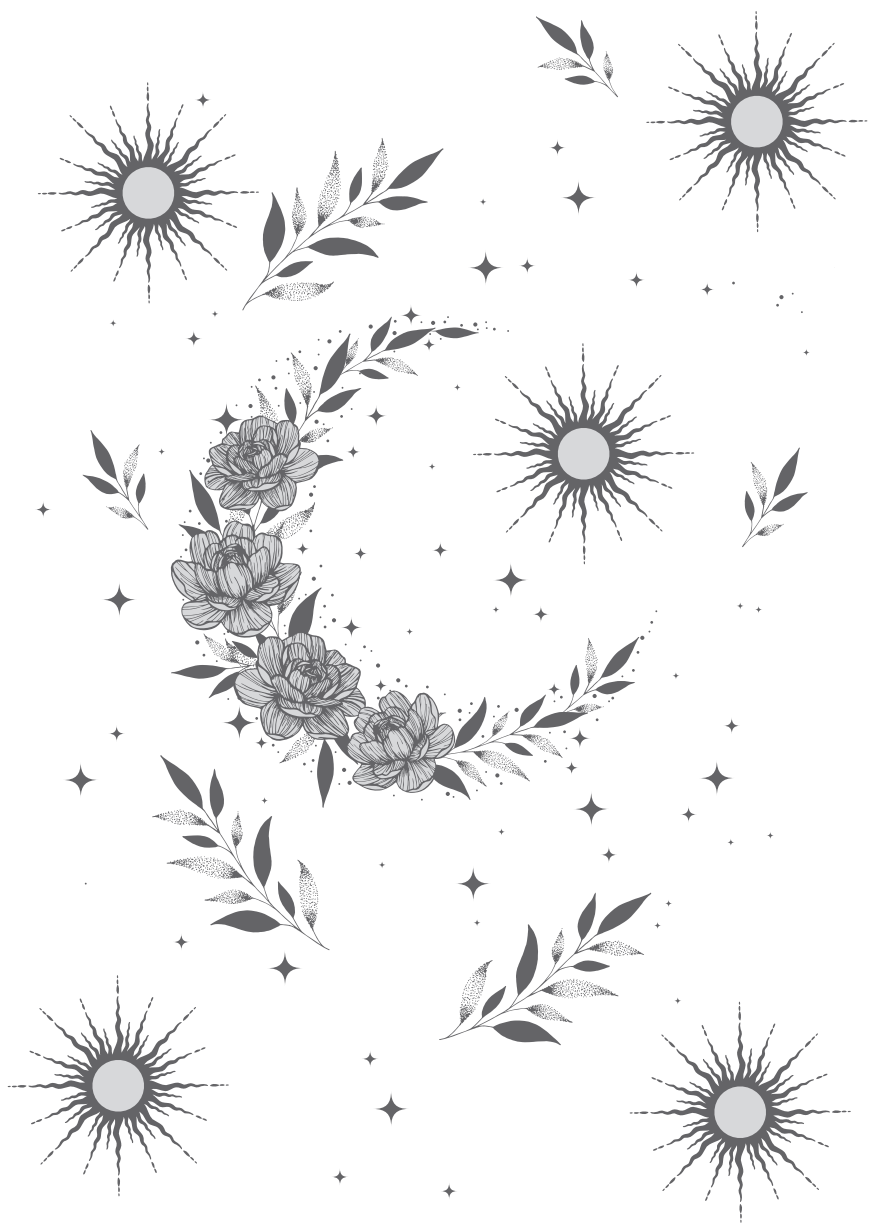
— Тебе пора.

У двери меня вновь ждала та самая сопровождающая, пиджак она, кстати, так и не надела. Изменилась еще одна мелочь: девушка перестала держать дистанцию. Теперь я выглядела не хуже нее и пахло от меня приятно. Что ж, это придавало каплю уверенности в себе.

Мы поднялись на самый верхний этаж, двери лифта открылись и пропустили нас в огромную приемную. Нас ждали, поэтому дверь в кабинет открыли сразу же, как мы поднялись на этаж.

— Здравствуй, Аврора, присаживайся.

Во главе стола сидел Правитель и ждал, когда я расскажу ему свою историю.





Глава 6

Я послушно села на один из стульев и уставилась на Правителя светлых. Раньше я видела его только издалека, на важных мероприятиях, но разговаривать с ним мне, конечно же, никогда не доводилось. Он же глава нашего народа, он стоит на вершине системы, оберегающей нас каждый день. Он недостижимый и неприкосновенный.

— О чем вы хотели поговорить со мной? — спросила я достаточно резко, хотя ожидала от себя большей робости. Все-таки я была сильно разочарована неспособностью правительства решить мою проблему.

Правитель тут же перестал разглядывать мой бинт, поднял голову, отложил ручку и облокотился на стул, больше напоминающий трон.

— Нам действительно важно узнать подробности того, как ты провела эту ночь вне дома. Не стесняйся, представь, что я твой друг и это просто безобидный диалог.

— Я же не единственная светлая, которой удалось выжить, верно?

Мой вопрос оказался провокационным: мужчина сначала замер, затем размял шею и ухмыльнулся, глядя куда-то в сторону. Общение с ним давалось мне легко, было некое чувство вседозволенности, хотя разговор мог сильно повлиять на судьбу всей моей семьи.

— В противном случае, — продолжила я, — мне понятно, почему наш с вами разговор состоялся. Или

вы со всеми жертвами уличных ночевок беседуете лично?

— Ты слишком много болтаешь, — приструнил он меня.

В дверь постучали, Правитель отвлекся от меня. О, если бы он только знал, в какой панике я была сейчас и как много мыслей угрожали разорвать мою голову на куски, он бы продолжил эти гляделки и не отвлекся бы на заглянувшего в кабинет молодого человека.

— Я сейчас занят.

— Но это правда важно, — настаивал тот.

— Аврора, подожди здесь, — с этими словами Правитель скрылся за дверью, оставляя меня одну в просторном кабинете. Интересно, что за важное дело было у этого парня, раз у него хватило наглости отвлечь такого важного человека.

На самом деле меня это мало волновало. Куда важнее было принять решение о том, что мне говорить о прошедшей ночи.

Во-первых, я дала клятву. Я могла врать сколько угодно, но клятву обойти мне не удастся. Обещание сильнее любых желаний, я уже чувствовала, как оно держит меня на своем поводке и тянет во тьму.

Во-вторых, не было смысла все рассказывать. Правительство не поможет мне, разве что организует охрану днем, а это бесполезно. Это так глупо, что ночью нас не защищают! Пока вся моя семья не оказалась в опасности, меня не особо смущал этот факт.

Я не могла рисковать ими. Я не знаю, на что способен темный, что может сделать правительство и как все это работает. Нет информации — нет уверенности.

В-третьих, я верила в наши идеалы, но чувствовала, что уже не соответствую им. Я ошиблась, теперь дороги обратно, в прошлую жизнь, нет. Меня могут

наказать, изолировать от всех за то, что я предложила сделку темному. Желание выжить может не оправдать этот поступок, и, пока будут вестись разборки со мной, родители и брат будут под угрозой.

А если темный не сдержит слово и в любом случае расправится с моей семьей?

Но он ведь может и не найти их!

— И все-таки, — Правитель продолжил наш непринужденный разговор сразу, как вернулся в кабинет. Настрой его изменился: он стал будто бы немного веселым. — Что произошло ночью?

— Просто мне повезло.

Я приняла решение. Буду молчать, чтобы меня и мою семью оставили в покое. Клятва, данная темному, имела власть надо мной, хотя я уже думала о том, чтобы нарушить ее.

— Не могла же молодая девушка спастись ночью только благодаря везению.

Правитель сел на свое место, слегка развалившись.

— Иногда мы можем положиться только на везение. Защищаться я не умею, поэтому всю ночь провела в кустах, — почти не соврала. В горле терпимо запершило.

— Откуда порез?

— Неудачно добралась до ночлега. — Темного же можно считать неудачей?

— И это все, что ты можешь мне рассказать?

— Я осталась на улице из-за собственной невнимательности и глупости, а прятки в кустах спасли мне жизнь. — Было даже немного больно, но я старательно скрывала дискомфорт.

Если верить в то, что ты говоришь правду, это ощущение становится не таким сильным. Главное — уйти от прямого ответа и приплести не относящийся к действительности факт.

— Вероятно, Аврора, ты совсем не понимаешь, насколько это важно, и что-то скрываешь. Любая информация может спасти светлых.

— Постарайтесь оберегать своих граждан, даже когда на небе вместо солнца луна.

Браво! На лице Правителя буквально написано, что он недоволен моей дерзостью.

— Критичное высказывание.

— Все, чего я хочу, — это оказаться рядом со своей семьей. Сейчас я не могу быть полезной.

— Хорошо, — меня резко оборвали. — Тебе действительно стоит прийти в себя.

Он нажал на кнопку под столешницей. Буквально через секунду дверь распахнулась, меня позвала все та же сопровождающая.

После скромно брошенного «простите, до свидания» я была рада снова оказаться там, где из меня не пытались вытащить правду. Хотя, на самом деле, он ведь и не давил на меня, разговор в итоге получился слишком коротким и бессмысленным. Зачем ему это надо было? Тратить время на ту, которая оказалась в списке счастливиц. Что он хотел услышать?

Ведь я не первая, есть еще случаи.

И что его отвлекло?

Меня отправили домой. В чистой одежде, умытая и причесанная, я больше не была никому интересна, на меня уже не оборачивались посетители и сотрудники. Спутница дошла со мной прямо до автомобиля, где передала меня, как уставшего ребенка, в руки водителя. И всю дорогу до дома я размышляла над тем, что же меня ждет уже этой ночью, а водитель будто специально, когда мы заезжали во дворы, собирал все кочки и наблюдал, как я, погрузившись в свои мысли, бьюсь головой о стекло.

— Извините, это правда не специально, — бормотал он, пока я натирала ушибленное место ладонью.

— Ничего страшного. Хорошо, что мы уже доехали. Спасибо.

Не дожидаясь, пока этот неуклюжий джентльмен откроет передо мной дверь, я выскочила из машины и поспешила домой.

Сразу же послышались торопливые шаги за спиной.

— Я не... — успела проговорить только начало фразы. Сильные руки уже обхватили мое тело, ладонь с влажной тряпкой накрыла рот и заглушила мой крик. Пару раз я дернулась всем телом, но эти попытки превратились в легкие покачивания. Я поникла, словно тряпичная кукла. Подъезд расплылся перед глазами, мир вокруг заволокло тьмой и странным запахом.



— Аврора! Эй, сестренка!

Какой же знакомый голос. Он пробивался сквозь звон в ушах.

— Ты меня слышишь?

— Алекс?

— Наконец-то!

Открыть глаза было сложно, но, поморгав, я все же увидела обеспокоенное лицо младшего брата.

— Ты что тут делаешь? Я имею в виду, что я рад, что ты цела и выглядишь вполне неплохо для человека, который провел ночь на улице, но почему ты спишь на скамейке? И как тебе удалось...

Моя ладонь тут же оказалась в воздухе, прося Алекса немного помолчать. Приподняв корпус и размяв шею, я огляделась по сторонам и ощутила приступ легкой паники.

— Все нормально? — осторожно спросил брат.

— Спину больно, — пожаловалась я, младший тут же принялся неумело ее разминать. — И я не знаю, как я здесь оказалась.

Не считая помятой одежды и следов от скамейки на теле, я была вполне опрятна. Порез, который остался после встречи с темным, обработан, волосы чистые, а пахнет от меня гелем для душа и... спиртом?

— Знаешь ведь, наш район безлюдный.

Утром мне так не казалось.

— Тебя заметили только мои одноклассники и тут же позвонили. Сообщили, что ты спишь на скамейке и ни на что не реагируешь.

— Надеюсь, в таком виде меня застали только они.

— Мы ведь с папой искали тебя. Он отправил меня проведать маму, когда мне позвонили. Но он тоже идет сюда, я отправил сообщение.

— Подожди. То есть твои друзья просто нашли меня здесь, спящую на скамейке? И никого поблизости, хотя бы какого-нибудь силуэта или проезжающей машины?

— Нет, Аврора. Ты была одна.

Это странно. Помню, как из последних сил шла домой, вся в грязи, с запекшейся кровью на руке. А потом что?

— Дочка!

Папа бежал к нам с Алексом весь измученный, с красными от недосыпа и слез глазами. Страшно представить, как сильно он переживал. Я тут же встала, игнорируя вялость, и крепко обняла его в ответ.

— Со мной все в порядке. Все в порядке.

Конечно, это не так. И я была счастлива, что папа настолько рад, что не услышал, как я прокашлялась.

Он отодвинул меня от себя, бегло осмотрел и пощупал руки.

— Выглядишь опрятно. И я не припомню такой одежды у тебя. А руку кто обработал?

Слишком много непонятных и загадочных моментов, но я почему-то не переживала об этом. Куда больше меня беспокоило то, что я, возможно, в последний раз видела свою семью почти в полном составе.

— Надо срочно рассказать маме, что со мной все хорошо!

Я потянула за собой все еще удивленного папу, а брат пошел вперед и открыл нам дверь.

— Мама? — испуганно воскликнул он, открыв квартиру.

Вбежав следом за ним, я увидела сидящую рядом с моей комнатой маму. Ее пустой взгляд, направленный куда-то в пустоту, пугал. Она не двигалась, привалилась к стене.

— Ты меня слышишь? — спросила я, когда подбежала к ней и упала на колени.

Она совсем бледная, холодная, почти неживая.

— Что с ней? — Алекс быстро оказался рядом со мной, взял ладонь мамы в свои руки и тоже попытался привести ее в чувство.

— Я понятия не имею...

Наш с братом испуг превратился в ужас, когда взгляд мамы мгновенно стал осознанным. Дикие, безумные глаза и огромные зрачки.

— Ты вернулась, — прошептала она. Затем ее губы растянулись в улыбке, вроде искренней, но все еще безумной.

Папа попросил нас с Алексом отойти, а сам поднял маму на руки и молча отнес ее в спальню, захлопнув за собой дверь.

— Меня это пугает, — прошептал брат, уставившись на дверь родительской спальни. — Вокруг слишком много странного.

Вряд ли в нашей семье теперь вообще что-то будет нормальным.

— Она просто сильно испугалась и устала.

— Мы все испугались.

Я обняла поникшего младшего брата, он даже не вырывался из моих рук, лишь продолжал смотреть перед собой. Нам не приходилось сталкиваться с такими проблемами до сегодняшнего дня. Прошлая ночь была для всех нас ужасной и изматывающей.

Хотелось сказать что-то брату, но язык не поворачивался сказать что-то на прощание. Ведь он и так озадачен, а лишние загадочные «сопли» могли навредить ему.

Мне нужно было поговорить с мамой, чтобы она, как обычно, за вечерним чаем дала мне парочку советов о том, как лучше вести себя, чтобы не ударить в грязь лицом. Мы ведь даже не обсудили Дэйва, моего несчастного жениха, которому пока что до меня нет никакого дела. Хорошо, что наш месяц только начался: мы не успели друг к другу привыкнуть, а значит, он не окажется в списке тех, кто будет по мне скучать.

А мои друзья... Я надеялась, они не подумают ничего плохого обо мне.

Папа вышел из спальни и сказал, что мама спит и что пока лучше ее не беспокоить. Алекса он отправил в свою комнату заниматься уборкой, а сам ушел на кухню и налил себе в кружку немного морса.

— Это все из-за меня, да? — ответ был очевиден: мама настолько сильно переживала за меня, что ей стало плохо.

— Нет, дочь, ты не виновата ни в чем.

Он не кашляет. Возможно, он и правда считает, что моей вины в этом нет.

— Виноваты обстоятельства, но мы со всем справимся, — тут же добавил он.

Папа протянул мне второй стакан с морсом и сел за стол, не приглашая меня присоединиться, но и не прогоняя.

— Глупо было искать браслет.

— Так все дело в браслете? — удивился папа.

— Я им очень дорожу, вы подарили его мне, и потерять его...

— Аврора, потерять тебя было бы куда ужаснее!

У меня не было заготовленной речи, чтобы доказать логичность моего поступка. В свое оправдание я могла сказать только одно:

— Я не уследила за временем, забыла телефон дома из-за странного состояния после выбора жениха. Если бы я не нашла его тогда, то никогда больше не нашла бы. Для меня это бесценная вещь, потому что она подарена людьми, которых я люблю. Главное, что сейчас я здесь и все разрешилось.

— Я ведь мысленно уже похоронил тебя!

— И напрасно, — почти полный стакан я поставила на стол и свободной рукой накрыла бинт.

— Как тебе удалось?

— Па-а-ап...

— Ты же знала, что тебе будут задавать эти вопросы.

— Я отказываюсь на них отвечать и вспоминать эту ночь.

Папа не стал давить на меня. Все мы сильно устали, и тратить остаток сил на выяснение обстоятельств было глупо.

— Пожалуй, я пойду к себе.

— Да, конечно, — папа встал с места и подошел ко мне. — Ляжем сегодня пораньше, нам надо отдохнуть.

После его легкого поцелуя в лоб я убежала в свою комнату, кое-как сдерживая эмоции. День быстро подходил к концу, время перед наступлением полной темноты мне не удастся провести в кругу семьи, как мне изначально хотелось. Возможно, это и к лучшему. Мне не придется врать и терпеть боль в горле. Никто из близких не поймет, что я пытаюсь скрыть от них свою

клятву темному. Они не узнают, что, вероятно, видят меня в последний раз, и не попытаются спасти меня.

А что, если..

Что, если у меня получится справиться с клятвой? Сегодня я уже вполне неплохо скрывала правду, смогу и не сдержат обещание, тем более данное какому-то темному.

Я не выйду на улицу. Он не найдет меня, он не знает, где я. Все останется лишь страшным сном в моей памяти.



Я стояла посреди леса и каким-то образом даже во мраке могла видеть силуэты высоких елок. Хотела сделать шаг, но поняла, что стою в липкой гадости, окутавшей мои ноги. С места мне не сдвинуться.

— Куда собралась? — глухое эхо будто ножом разрезало тишину. Этот голос я узнала сразу.

— Никуда, — ответила я, после чего перестала дергать ногами и попыталась найти темного среди широких стволов.

— Ты не сдержала свое обещание.

— Но я же здесь! Я пришла.

— Но как ты тут оказалась?

Если бы знала, то сразу же ответила бы, но не понимала, что происходит и как я оказалась в лесу посреди ночи. Мои попытки найти обладателя голоса привели к тому, что я нашла чуть подальше от себя, слева, старый деревянный стул. Он стоял тут явно не для того, чтобы я присела отдохнуть.

Справа послышался треск веток. Тут же обернувшись, я увидела, как тень одной рукой ведет за шкирку измотанного мальчика, а второй держит нож. Ребенок не сопротивлялся, шел, пачкая босые ноги в грязи.

И только когда мокрые волосы упали с его лба, я узнала в этом бледном мальчике своего брата.

— Алекс! — воскликнула я, но брат будто и не слышал меня, продолжал молча шагать вперед. — Прошу, не трогай его!

— Обещание надо сдерживать.

Я снова попыталась вытащить ноги из болотной трясины, но из-за сильного рывка и ветра все мое тело провалилось вниз. Ладони оказались в густой, но теперь уже совершенно не липкой жидкости. Я внимательно ее осмотрела, пригнухалась. Это была кровь.

С криком я подскочила на ноги и позади себя увидела обескровленные тела родителей.

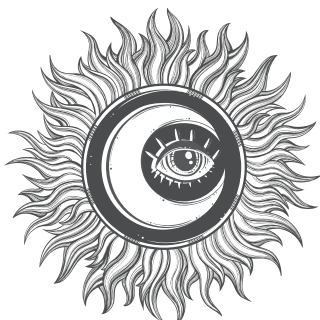
— Обещание надо сдерживать.

Опять эта фраза, я схожу с ума от боли в груди и не знаю, что мне делать.

— Что ты... — повернувшись обратно к Алексу, я хотела спасти хотя бы его, но лезвие у его горла уже блеснуло во мраке.

— Я сдерживаю обещание, — сказал темный, отталкивая от себя моего уже мертвого брата.





Глава 7

В ужасе я открыла глаза и чуть не упала с кровати. Сердце стучало как сумасшедшее, легкие болезненно сжимались из-за частых вздохов. Я откинула одеяло; тело, покрытое испариной, пробила мелкая дрожь, она немного привела меня в чувство. Что мне теперь делать?

Это был просто кошмар, но он показался очень реальным. Все из-за клятвы, которую я дала: даже когда я бодрствовала, могла думать только о сделке, а во сне мое подсознание издевалось надо мной, показывая жуткие картинки. Вероятно, этой ночью мне придется покинуть постель.

И не только этой.

В голове возникла важная мысль, на которой раньше я не фокусировала внимание: темный говорил, что я должна слушаться его, пока на ладони есть след от пореза. Это сделка без срока, но в ней есть плюс и для меня — сегодня я не умру. Иначе зачем ему мое подчинение на столь долгий срок?

Сегодня я не умру, — повторяла я про себя. С этой мыслью я взяла в руки фонарик, бесшумно вытащила из шкафа штаны, футболку, толстовку и натянула это белое обмундирование на себя. Нормальная обувь была в прихожей, поэтому старые и немного рваные кроссовки пришлось достать из забытой всеми коробки на нижней полке. Я постояла несколько минут у две-

ри и убедилась, что вокруг тихо. В соседних комнатах спали дорогие мне люди, и меньше всего мне хотелось, чтобы они услышали мою возню и на шум пришли в комнату. Тогда мне пришлось бы объясняться.

На всякий случай я положила игрушки и скомканную одежду под одеяло, имитируя спящее тело. Двери на ночь мы никогда не запирали.

Открыв шторы и дотронувшись до ручки на окне, я почувствовала головокружение.

Ты все равно не сможешь остаться дома. Ты поклялась, помнишь? Последствия твоей трусости будут ужасными.

Но ведь темный не сможет из всех окон найти именно мое. Он никогда не достанет меня и всю мою семью. Что я вообще делаю?

Где гарантия безопасности?

Я должна была рассказать все Правителю и попросить защитить мою семью любой ценой.

Ты не сможешь никому рассказать об этом, ты дала клятву и обязана ее выполнить. Любое действие, которое помешает тебе выйти на улицу, под твоим же собственным запретом. Да и в глубине души ты понимаешь, что можешь рассчитывать только на себя.

В порыве эмоций я открыла окно: свежий ветер столкнулся с моими горячими щеками и слегка растрепал волосы. Сегодня ночью особенно холодно, несмотря на жару днем. Забравшись на подоконник, я высунула ноги на улицу.

Просто сделай это!

И я спрыгнула, будто кто-то кричал мне в уши и толкал в спину. От приземления, хоть и с небольшой высоты, горели ступни, под подошвой была высокая трава, ее шелест нарушил тишину. Снова я на улице ночью.

В первые секунды случился шок. Я наблюдала за тем, как круг света от фонарика бегал по окрестностям, а за рассеянными границами луча сгущался мрак. Я не контролировала пространство вокруг: чувствовала, что, пока пытаюсь разглядеть что-то в одной стороне, где-то сбоку от меня, в полной темноте, прячется монстр и ждет момента, чтобы напасть. Поэтому я крутилась на месте, все сильнее прижимаясь спиной к кирпичной стене дома.

Спустя минуту этих нелепых танцев с фонарем пришло осознание, что я, как маяк, привлекала к себе внимание. Дрожащими руками я выключила свет и полностью перестала видеть.

Что я натворила? Мое дыхание стало сбиваться, накатывал приступ паники, к щекам приливалась горячая кровь, и становилось дурно. При этом конечности были ледяными, ладони взмокшими и немного скользкими. Я развернулась к дому, вытянула руки и постаралась достать до выступа окна. Кончиками пальцев мне удавалось зацепиться, но подтянуться вверх сил не хватало. Лбом я уперлась в стену, сквозь сомкнутые губы вырывались стоны отчаяния.

Темного нигде не было. Для него клятва — только насмешка. Не знала, поверил ли он, что я действительно выйду на улицу, но, наверное, в любом случае посчитал, что со мной все равно обязательно кто-нибудь расправится, если я все же сдержу слово.

А я сдержала! И в итоге стояла беззащитная на улице под окнами комнаты, не могла попасть домой и не имела ни малейшего понятия, что делать дальше.

«Ты же поклялась, ты сделала все правильно».

Меня колотило от страха, я из последних сил старалась контролировать эмоции. Нужно было постучать в окно родительской спальни. Сначала они испугаются, не решатся подойти и пойдут к детям. В комнате

меня не будет, зато они смогут почувствовать холод и заметят открытое окно. Тогда меня найдут и помогут забраться обратно. Затем я все объясню, скажу, как сильно их люблю и как мне жаль, что я вновь подвергла себя опасности. Оправдаюсь тем, что хотела всех спасти, обязательно поделюсь историей про клятву. Семья поймет, и мы вместе придумаем, как все исправить.

— Ну привет.

Я взвизгнула и резко развернулась на сто восемьдесят градусов.

— Не стоит, — произнес голос, но уже прямо перед моим носом, тогда я выставила фонарик вперед и включила его. Все, что я успела увидеть, это черную одежду. Затем мое единственное оружие легким движением было выбито из руки. — Я же сказал, не стоит.

— Ты пришел, — прошептала я, узнав его голос, — ты все-таки пришел.

— А ты все-таки вышла из дома, не соврала. Либо ты исключительная идиотка, либо все светлые такие.

Какая-то крошечная часть меня почувствовала спокойствие: так происходило всегда, когда светлым удавалось сдержать слово и все складывалось так, как и планировалось. Но сейчас я не могла описать то, что происходило у меня внутри. Страшно было прошлой ночью, а сейчас я была живой смесью ужаса, отчаяния, ярости и облегчения. От последнего меня потряхивало, но глупо было отрицать очевидное: если бы на месте темного был кто-то другой, моя семья планировала бы похороны, а не свадьбу.

Может быть, мне стоило закричать, ведь окно все еще открыто, и родители могли бы меня услышать.

— Я дотянулся до твоего окна и прикрыл его. Можешь не пытаться кричать.

Он читает мои мысли? Окна же не звуконепроницаемые, что мешает мне завопить изо всех сил? Тем бо-

лее я была в таком состоянии, что только на это и была способна.

— Раз ты здесь, то надо обсудить нашу с тобой сделку.

Конечно, Аврора, ты проглотила язык, потому что не только поклялась выйти на улицу этой ночью. Теперь ты обязана его слушаться, и у этого не будет конца.

— Как ты меня нашел? — набралась я смелости спросить.

— Я из любопытства пришел к границе, до конца не верил, что ты появишься. Да и не знал, где тебя искать. Но ты сама любезно дала о себе знать, размахивая во все стороны фонарем.

Просто без комментариев.

— Ты могла привлечь кого-то еще, — добавил темный.

Меня начало мутить. Один темный — это, мягко говоря, проблема, а толпа людей, желающих поиздаться над тобой, — катастрофа.

— Но этого ведь не произошло?

— Нет, но все же нам лучше уединиться в другом месте.

Отходить куда-то от дома мне не хотелось: во мне все еще теплилась вера в то, что, если мне будет грозить опасность, я переборю клятву и позову на помощь, а меня точно услышат.

— Это обязательно?

— Да. Твой недавний жалкий визг никто не услышал, но вдруг в ходе нашей беседы ты решишь выдать что-то погромче.

Раздражение в голосе темного подсказывало, что мои вопросы его злили. Я ничего не видела, была абсолютно беспомощна, но благодаря этому могла лучше почувствовать любые изменения вокруг. Чтобы не нар-

ваться на что-то неприятное, я потянулась к фонарику, аккуратно, не совершая лишних телодвижений. Взяла его в руки, медленно поднялась, направляя луч на носки своих кроссовок.

— Давай-ка ты все-таки выключишь его, — сказал темный.

— Но я не смогу передвигаться без света.

— Я сказал, — темный сделал паузу, голос стал жестче, — выключи.

— Хорошо, — послушалась я. Круг света погас, и теперь мои глаза снова стали бесполезными.

— Отлично. Повернись.

Так я и сделала.

— Ты, конечно, можешь попытаться пройти сквозь стену или разбить об нее голову, чтобы избавить себя от мучений, но вряд ли у тебя получится. Хотя я бы на это посмотрел.

— Не смешно, — пробубнила я, поворачиваясь влево. Слепую ориентироваться было почти невозможно.

— Никто и не смеялся.

Неожиданно моей спины что-то коснулось, я вздрогнула, отпрянула, сделав шаг вперед.

— Это всего лишь я, — прозвучало сзади.

Темный положил ладонь мне на спину, в районе лопаток, по позвоночнику пробежал холод. Я выпрямилась и немного прогнулась, чтобы его рука дотрагивалась до меня хотя бы немного меньше, а расстояние между нами увеличилось на мизерные миллиметры. Должно быть, он почувствовал это, раз усмехнулся.

— «Всего лишь ты» пугаешь меня до смерти.

— Как это приятно, — прошептал он, а затем специально надавил на спину и приблизился ко мне. — Ступай.

Путь в неизвестном направлении сопровождался звуками шагов и моим кряхтением от запинок об ветки или

камни. Темного же слышно не было. Я только чувствовала его рядом, послушно следовала туда, куда меня подталкивала рука. Иногда он коротко говорил, куда повернуть, подсказывал, когда стоит перешагнуть или обойти небольшое препятствие, цокал, если я все равно плохо маневрировала или спотыкалась. Пару раз ему приходилось ловить меня за толстовку. Но в целом он молчал, шел за мной настолько тихо, что я начала придумывать глупые теории о способности темных к левитации.

Добрались мы быстро. Скрип досок под ногами напомнил мне прошлую ночь.

— Мы там же, где были вчера?

— Да.

Мой поводырь подвел меня к стулу, я осторожно села, фонарик положила на колени. В это время где-то в стороне послышались шорохи и скрежет: темный что-то доставал и неаккуратно тащил в мою сторону. Вскоре он, кажется, поставил другой стул напротив меня и устроился на нем.

— Приступим, — начал темный. — Необходимо обсудить некоторые детали сделки. Во-первых, важное правило — ты не должна светить фонарем в мою сторону.

Не уверена, что у меня было право высказывать свои пожелания, но я все же, осознавая, что терять нечего, с опущенной головой заявила:

— Ты уже заметил, что перемещаться в таких условиях без проблем я не могу. Возможно, было бы логично разрешить мне иногда использовать фонарик хотя бы на телефоне.

— Проблемы с твоим перемещением покажутся тебе мелочью на фоне того, что может произойти, если кто-то из темных увидит свет.

— Я буду включать его только при острой необходимости и максимально аккуратно, не размахивая

в разные стороны. К тому же вы боитесь света, он слепит вас.

— Это не значит, что из любопытства мы не можем немного потерпеть. Среди темных много отбитых на всю голову людей, тебе они не понравятся.

— Но...

— Не надо выводить меня из себя. Любой свет под запретом. Точка.

Что же, возможно, это правда к лучшему. Но я все же планировала таскать фонарик с собой в целях самообороны. Мои шансы против темного были ничтожными, но сдаваться без боя не хотелось.

— Что во-вторых?

— Ты должна каждую ночь выходить на улицу в это время и ждать меня под окном. Затем идти туда, куда я скажу, и слушаться меня без лишних возражений. Главное, чтобы все, что между нами происходит, оставалось тайной.

— Поняла.

— Я хочу, чтобы ты поклялась. Снова.

Надеюсь, он делал это не потому, что хотел поиздеваться над моим достоинством, повторная клятва была еще унижительнее первой: я не делала это в страхе умереть или из желания повидать близких, мои действия и их последствия были полностью осознанными.

— Клянусь. Я буду выходить каждую ночь в это время на улицу, чтобы встретиться с тобой, буду слушаться. Никто из моего окружения не узнает об этом.

— Вчера я думал, что ты все-таки врешь и про кашель, и про клятву, но в итоге вижу, что все куда интереснее. Будет весело, светлая.

Весело для тебя, псих.

— Ты знал, что после пореза останется шрам?

— Конечно, я же в этом разбираюсь.

Сколько же людей пострадало от его рук?

— И все же я не могу до конца понять, как это все у вас работает. Тебе придется рассказать.

Опять он хочет поговорить. Не то чтобы я жаловалась, но таким образом темный создавал иллюзию покоя и комфорта, располагал к себе. Хотя я знала, что передо мной сидит убийца, который в любой момент перережет мне глотку, чтобы больше не тратить время на болтовню. У меня был выбор: тянуть время или максимально приблизить плохой финал. Но я не понимала, чего действительно хотела.

О том, что я выживу и что все закончится благополучно, я даже не думала.

— Как работают клятвы? — уточнила я.

— Да. С кашлем все понятно. Раз такой индикатор необходим, то вы не такие уж и святоши.

— Все не так, — проговорила я злобно.

Никогда в жизни внутри меня еще не было столько негатива. Злость, ненависть, агрессия в светлом мире были всегда направлены только в сторону темных.

— Мы знаем, что ложь — это плохо. Мы всегда честны со всеми.

— А днем ты была честна со своей семьей?

Я была готова захлебнуться в гневе и негодовании. Темный ничего не понимал, не знал и пытался очернить светлый мир своими нелепыми высказываниями. Как я могла объяснить истину тому, кто всегда жил с совершенно противоположными установками в голове?

— Мне пришлось молчать обо всем из-за клятвы. Когда один человек обещает что-то другому, появляется незримая нить. Обязательства будут важнее всего остального, под них придется подстраиваться, они будут руководить подсознанием. Это произошло со мной, когда я дала тебе клятву. Из-за нашей связи, — меня перерезало от этих слов, — я не смогла ничего

сказать семье. Все мои действия были направлены на то, чтобы я в итоге оказалась рядом с тобой. Я честно пыталась остаться дома и перебороть это все.

— Ты действительно могла все рассказать, тебе бы помогли. Да и это было не нужно, ведь я бы не нашел тебя. Понимая это, ты все равно сдержала слово?

— Люди не должны бросать слова на ветер. Поэтому я здесь, с тобой, на грани жизни и смерти.

— Вы держите слово не по собственному желанию, а из-за бзиков в голове. В таком случае вы не имеете права называть себя искренними.

— Тогда что насчет вас?

— Мы не притворяемся, что никогда не врем. Обещания для нас пустой звук. В жизни всякое может произойти, иногда проще повесить лапшу на уши или забрать слова назад.

— Это отвратительно.

— Это нормально, — голос темного стал чуть мягче, видимо, его забавлял спор со мной. — Все врут ради выгоды, все дают пустые обещания. Если человек поверил тебе, значит, он идиот, не отличающий правду от лжи. Полагаться можно только на себя, потому что клятвы и все остальное не дают никаких гарантий.

— Мерзко, что вы считаете это все нормой. Невозможно жить, не доверяя миру, и ни в коем случае нельзя подрывать доверие других людей к тебе. Это ответственность, с которой должен жить каждый человек.

— Мы не переубедим друг друга. Ты продолжишь считать свой мир радужным, а я продолжу быть реалистом.

— Реальность — это честные люди, которые отвечают за свои слова, — не унималась я. — А то, что происходит в вашем мире, — это самая настоящая трагедия.

— По-твоему, проще доверять всем?

— Проще врать и подставлять, всегда ожидая удара от других. Мой мир придерживается того, что сложнее, но в миллион раз правильнее.

— Вы жалкие, — подытожил он веселым голосом.

— А вы ничтожества! — сорвалась я. — Неужели это все доставляет тебе удовольствие? С какой целью ты оставил меня в живых? Чтобы удовлетворять свое любопытство? Пытаться унижить меня и мой мир?

— Не начинай то, о чем пожалеешь.

— Снова угроза? Ты уже почти сломал меня, я запугана до смерти и не могу здраво мыслить, меня разрывает от ненависти к тебе. Я всегда знала, что темные способны только калечить. И это, — я вытянула перебинтованную руку вперед, — тому доказательство. Ты видишь, как мне плохо, и все равно продолжаешь играть со мной!

— Я вижу, что ты в край обнаглела и потеряла страх, раз разговариваешь так со мной.

— Да потому что нет смысла сглаживать углы. Ты все равно сделаешь то, ради чего это все задумал. И самое интересное, что я не смогу ничего тебе сделать, потому что я слабее, я даже не вижу в темноте и вынуждена молчать. Ты монстр!

Горло сжимало, под кожей все зудело: ненависть душила, сжигала изнутри. Бороться с этим я не умела, негативные эмоции в таком количестве были для меня в новинку. Все внутри меня боролось с этим, пыталось избавиться, выплеснуть их.

— Просто сделай это уже! Я все равно не справлюсь! — Я смотрела в пустоту перед собой, широко открыв глаза, будто это могло помочь увидеть реакцию темного.

— Должно быть, это тяжело, — вдруг совершенно тихо и спокойно прервал меня темный.

— Что? — опешила я.

— Тяжело всю жизнь строить из себя святошу, а потом столкнуться с кем-то вроде меня и узнать о самой себе что-то новенькое.

— Прекрати уже пытаться меня оскорбить! Моя жизнь была идеальной до этого всего!

— Ты, — темный встал и подошел ко мне слишком близко, наклонился, — невыносима.

Я чувствовала его дыхание. Носа коснулся знакомый запах, гнев сменился легкой эйфорией, а от недавней истерики осталась только дрожь.

— Все вы, идеальные, просто жалкие слюнтяи. Ничего не можете, кроме как разбрасываться красивыми словами. Но ваши речи — пустой звук, потому что за ними кроется одна простая истина: вы притворяетесь. Вы вынуждены подчиняться собственным законам, делаете это потому, что «так надо», а не потому, что «так я хочу». А кому надо-то? У вас никогда не получится быть по-настоящему светлыми. В каждом из вас живет частица нас. Вы не лучше темных.



Глава 8

— Ты так в этом уверен?

Мой вопль сложно было назвать агрессией: я резко встала со стула, сделала шаг вперед, рукой задела темного, тот отскочил от меня. Но такая стойкость в споре поражала даже меня.

— Я знаю о вас достаточно, а ты своими словами только подтверждаешь все теории.

— А ты своими поступками лишний раз доказываешь, что в темных нет ничего хорошего.

— Прекращай вести себя так, будто я не могу в любой момент разрушить нашу маленькую сделку. Я ничего не потеряю, в отличие от тебя.

Темный опять сократил расстояние между нами, мои сложенные на груди руки коснулись его тела. Я снова почувствовала тот самый запах.

Я не знала, как описать его, с чем сравнить. Появилось странное ощущение, что я в безопасности, что я рядом с тем, что люблю. Тело расслаблялось, я не могла это контролировать.

— Ненавижу, — сквозь зубы вырвалось у меня, когда я положила ладонь на его грудь.

Темный замер. Между нами повисла мертвая тишина, молчание подчеркивало глупость моих действий.

— Как-то незаметно, — тихо сказал он.

— Я не режу людям руки, не угрожаю, как делаешь это ты, — мой голос тоже стал тише. Разговор отошел

на второй план, я пыталась почувствовать каждую нотку этого запаха. Со стороны это, наверное, выглядело странно: я вытянула шею, стала принюхиваться, кончиком носа задела ворсинки его одежды.

— Но с радостью бы прикончила меня.

— Ты сам пробуждаешь во мне ненависть.

— Твоя ненависть к темным жила задолго до встречи со мной. И прекрати меня нюхать.

Темный попытался отойти, но я вцепилась в него пальцами. Он перестал двигаться скорее от шока, а не от силы моей хватки.

— Не могу понять, — проговорила я, уже без какого-либо стеснения утыкаясь лицом в широкую грудь. — Что в запахе такого особенного?

— Ты с ума сошла? — Он держал меня за плечи, не прижимал и не отталкивал от себя. Видимо, ему тоже было интересно, куда приведет подобное увлечение.

Медленно и аккуратно я пробежалась пальчиками по его плечу, нырнула рукой под капюшон, дотронулась до спины, вернулась назад и добралась до края толстовки, чтобы коснуться шеи. От кожи должно пахнуть сильнее.

— Хватит, — темный оттолкнул меня, разрушая клетку, созданную его запахом.

Мои легкие стали активно вдыхать свежий воздух, выгоняя остатки этого дурмана. Я дотронулась ногами до края стула, рухнула на него и руками стала растирать лицо, пытаюсь привести себя в чувство.

— Что это за способность? — спросила я, когда окончательно пришла в себя. — Что с твоим запахом?

— Думаешь, я знаю?

— Это какая-то ваша особенность, которую вы скрываете от светлых? Благодаря этому вы можете подчинять светлых своей воле и пользоваться ими?

— По-твоему, я сейчас этим занимаюсь?